

Кирилл Шишов

*Сия книга начата
31 декабря 2004 года
под Рождество*

**БЛАГОДАРНЫЕ СОНЕТЫ
И
ДРУГИЕ ПИЕСЫ**

г. Челябинск,
2006 г.

Ш65

*«Какой тоской душа не сражена —
Быть твердым заставляют
времена...»*

Шекспир. Король Лир.

Ш65 **Шишов К. А.** Благодарные сонеты и другие пи-
есы. Челябинск: Цицеро, 2005 г. — 292 с.

**31 ДЕКАБРЯ.
ЗИМНЕЕ УТРО ЛУННОГО БЛЕСКА**

* * *

Луны неоновый фонарь
Висит меж сосен в белых латах,
Как будто вечный календарь
Дней Феодора Стратилата..

Пусть улицы полны разврата
И джипы режут утра хмарь —
Луна, как вечности косарь,
Висит с повязкою пирата..

Щетинится замерзший снег
И волосатится лилово,
Когда — наружностью абрек —
Иду на лыжах ночью снова,

Чтоб первым узреть торжество —
Как в мир приходит Рождество..

7/30 утра 31.12.2004 г.

прогулка по парку с собакой

* * *

Сплетенье вологодских кружев..
 Вязь оренбургская платков..
 Затем природы мир нам нужен,
 Что человеческий — бестолков..
 В нем пошлость углых образцов.
 Природе этот мир не нужен..
 Превыше вологодских кружев
 Стоит сосновый мир основ..

Снега озябшие блистают,
 В опушке — лиственницы кряж,
 И холодом сквозит кристальным
 Застывший лунный пейзаж..

О! Вековая стройность мира —
 В ней утро зимнее — порфира..

Из «Истории искусства России» А. Бенуа:

«Он презирал совершенство и красоту образа, тогда как ему следовало бы только презирать школьную правильность образа и шаблонную выучку...»

А. Бенуа — о Н. Ге. (1910 г.)

* * *

Зане мы преклоним главу
 Перед величием Природы,
 Что видим зраком наяву
 Ее торжественные своды,

И слогом вдохновенной оды
 Сметя ничтожную молву,
 Восславим мудрую сову,
 Пред коей клонятся рапсоды..

В природе значим каждый знак —
 Землетрясение иль буря,
 Зеленая кайма лазури
 Иль зимней ночи полумрак..

Иной методы не ищите —
 Лишь пред Природой трепещите!

31.12.2004 г.

* * *

Слушая известия о последствиях
 крупнейшего в мире землетрясения
 в мировом океане с гибелью сотен
 тысяч людей юга Азии..

Отец родился в 1904 году? Погиб — в 1943 г. Всего — 39 лет

* * *

Столетие отца
 Прошло в году минувшем —
 Стараньями Творца
 В пучину заглянувшем,
 Заложником разрух
 Остался он навеки,
 Неукротимый дух
 Развивших в человеке...
 Крылат, несокрушим,
 Упорно — недоверчив,
 У горных у вершин
 Зажег свои он свечи,

И, родину любя
 И родиною предан,
 Не пожалел себя
 Для сына и победы..

Он лег в траву от мин,
 А, может, и от пули,
 И время именин
 Забыли мы в июле,

А в мае — и свечу
 Забудут ставить внуки,
 Родительских причуд
 Не ведая науки..

Уходит все в песок,
 Лишь не уходит ярость:
 Впускающая мысль в висок —
 Бессильным мы под старость..

31.12.2004 г.

Рождественские сонеты

(цикл)

НОЧЬ РОЖДЕСТВА

1.

Проснулся я.. По радио звучал
 Святой тропарь о выходе из чрева
 Того, кто был началом всех начал,
 И родила его безгрешно дева..

Тревожно было пение распева,
 И я в тревоге тоже с ложа встал
 И вышел в ночь — и слаб, и сир, и мал —
 И встал возле заснеженного древа..

Звездами был украшен небосвод,
 На половину застланный туманом,
 И тишина стояла у ворот
 И мир казался мифом и обманом..

Но вдруг пропел петух в морозной мгле —
 — И стало мне спокойно на земле..

7 января 2005 г. 3.30 утра
 с. Варламово

2.

И стало мне спокойно на земле,
 — Пусть я обманут был в своих надеждах
 И не мечтал, как это было прежде,
 Когда был юн и был навеселе..

Кричал петух под утро на селе,
 Давая знак мне — старому невежде —
 Что дело не в богатстве и одежде,
 А в сердце сохранившемся тепле...

Святая ночь — как исповедь — была
 Наполнена и горечью, и болью,
 И ангельскою белизной крыла
 Овееяла, как матери любовью...

Не плакал я, одолевая грусть,
 Шепча слова молитвы наизусть...

*Ночь 7 января 2005 г. 4.00 утра
 с. Варламово*

3.

Шепча слова молитвы наизусть
 О матери, что обрекает сына,
 Я вспомнил вдруг — откуда эта грусть;
 Она — в отце, незримом, как былина...

Я не был сыном бога — исполина,
 Что в храмах почитает сдревле Русь,
 А просто был потомком мещанина,
 Нестойкого в страданиях, боюсь...

И эта робость мне передалась
 Отсутствием и чести, и гордыни,
 И даже близость матери — святыни
 Не одолела трепетную власть...

Вот потому к приходу Рождества
 Растерян я от грусти торжества...

Там же. 4.30 утра.

4.

Снегов искристых белизна
 Так ослепительно — воздушна,
 Как будто перья с полотна
 Свои рассыпала подушка,

Погода нынче благодушна..
 В своем безветрии она
 В глубокий сон погружена
 И к нашим вскрикам равнодушна..

Все глушат россыпи снегов —
 Полозьев скрип и лай собаки,
 Вороний гай, мальчишек драки,
 И дальний звон колоколов..

В день Рождества сама природа
 Читит святость совести народа.

*08.01.2005 г.
 с. Варламово*

ДВЕ СОСНЫ

*«Два дерева хотят
друг к другу...»
М. Цветаева*

Две сосны над извивом реки —
Посмотри — как сплелись за два века,
И на иглах горят огоньки
С фиолетовым отблеском снега...

Обвились друг об друга тела,
Помогая взаимно от ветра...
У одной обгорела кора —
Пережитого горя примета...

И другому — видать — не легко:
Крона молнией дважды разбита,
Только ветки несут высоко
Эти двое, забыв про обиды...

Им взаимно прожить довелось
Вдвое больше, чем нам, помогая...
Им не страшен ни град, ни мороз...
Впрочем, так же, как нам, дорогая...

08.01.2005 г.

*Лыжная прогулка вдвоем
вдоль Увелки на Паповку...*

* * *

Зажигая свечу в тишине
Богоматери с сыном иконы,
Я вдруг вижу, как будто во сне,
Что они мне чудесно знакомы...

Словно я в той пещере лежал
Под воловьим дыханием теплым,
И звезда синевато дрожа,
Поднималась над влажным потоком...

Видно, дорог нам этим Христос —
Человеческой сутью простою...
И мы к старости верим всерьез,
Что была наша жизнь не пустою...
09.01.2005 г. Ночь...

РАЗМОЛВКА № 10.154..

Как все твое на свете хорошо:
 Походка, речи, разум и смекалка,
 И в будущем — ты просто, как весталка:
 Угадываешь так, что — полный шок..

А у меня — жить — опыт небольшой,
 Меня обманет каждая нахалка,
 Слабеет у меня защиты палка,
 И — признаюсь — слабею я душой..

Но надо жить такими, как мы есть —
 Дурными иль великими в тщеславьи,
 Уж не мечтать о подвигах, о славе
 Лишь сохраняя хотя бы свою честь..

Прожили мы с тобой почти пол века,
 А так не знаем сущность человека..

09.01.2005 г.

Днем, после обычной размолвки..

с. Варламово

ЖЕНЩИНА — ПРАМАТЕРЬ

(цикл)

Салиму Фатыхову

1.

Дана нам жизнь на мимолетный срок;
 Былые катастрофы, войны мира,
 Раздоры, чей сомнителен итог,
 Разбитые и жалкие кумиры..

У Женщины — в грязи ее порфира,
 И место ее занял грозный бог,
 Оставив для нее одну сатиру,
 А лучше «ведьмы» выдумать не мог..

Она — создатель духа человека,
 Праматерь и прабабка слов любви,
 Сегодня — проститутка и калека —
 В заразной и испорченной крови..

Но это нам дано, как аксиома..
 Нам не уйти, захлопнув дверь, из дома..

2.

Нам не уйти, захлопнув дверь, из дома,
 Детей оставив всех на произвол,
 Когда терзает по ночам истома,
 Не излечив которую — ты зол..

Но все же нас — не дьявол произвел,
Хоть мы — творцы вселенского содома,
Ведь разумом ньютонова бинорма
Не зря мужчина пять столетий шел..

Не зря сквозь муки рабства наших женщин
Мы новый опыт духа обрели,
И с каждым днем становится все меньше
Гордыня наша, как владык Земли..

Нас катастрофы учат быть на страже —
В победном жить нельзя ажиотаже..

3.

В победном жить нельзя ажиотаже
Имея в доме — женщину — врага —
Домохозяйку в перхоти и в саже,
Способную рожать, метать стога,

Не сломленную церквью на века
Мужской во имя прихоти и блажи..
Но это все ломали не однажды
Мужчины, чья натура высока..

Перикл возвел Аспазию в богини,
Елизавету — Англия на трон
Недаром возвела: столетье минет,
И равноправье возведут в закон..

Уйдем и мы, и вспомнят ли когда-то,
Что были времена патриархата..

4.

Что были времена патриархата
Подобны «Домострою» на Руси
Быть может, в книге углядят ребята
И рядом — фразу: «Боже нас спаси...»

«Что это значит?» — мать свою спросил
Пра-правнук, не изведавший утраты,
Не бывший не убийцей, не солдатом:
Он в космосе всю юность колесил..

И, может быть, она ему ответит:
«Мужчины разуверились в себе
И поняли, что Женщина на свете
Не станет быть с Природою в борьбе..»

Они давно доверили планету
Лишь женскому пригляду и совету...»

5.

Лишь женскому пригляду и совету
Доверилась Земля, устав от войн,
И, новому согласно этикету,
Планета снова сделалась живой..

Был отменен воинственный конвой,
Раздор народов плавно канул в лету —
— Так женщины, — владычицы секретов,
Ввели порядок новый мировой..

И рухнули религии и догмы,
Мужская спесь, измены, брань и ложь,

И сразу стало просто и удобно
На будущее начертать чертеж...

И ты, мой сын, ищи себе подругу
Ей доверяй — как матери и другу...

6.

Так будет — или нет — не знаю, право..
Я — не фантаст в сей бойне мировой,
Но женская судьба — для нас — оправа
В сей жизни проблематики любой..

Герой — мужчина с конскою уздой,
Которому послушны гимн и слава,
Действительно вселенская отрава,
Которую родил его разбой..

Как поменять уклад — подскажет время
Семейное согласие и мечта:
Ведь у Природы кончилось терпенье,
И катастрофы мира неспроста..
А чтобы это кончилось все сразу —
Сумеем ли прибегнуть мы к отказу?

09.01.2005 г.

Страшный день катастроф (9 января)

в России (1905 г.) с. Варламово

с 10.00 до 18.00 дня

впережку с хозяйками

* * *

Есть между нами тайна роковая,
Которую так ощущаем мы:
Когда, меня за мелочь упрекая
Себе морочим зрелые умы..

Мы ворвались из первобытной тьмы,
Детей собой ко свету увлекая,
Лишь тем одним, что никогда другая
Не низвела нас в морок кутерьмы..

Пусть ты взрывна по-детски и всерьез,
Пусть я наивен, робок и доверчив —
Я вечно помню тайну твоих слез,
Свои слова, твои худые плечи..

Той первой тайны память сохраняя,
Молчу, когда опять бранишь меня..

* * *

Что выше — дочь и судьба?
 Конечно — это дочь..
 Судьба во мне нашла раба,
 А дочь послала прочь.

Но я судьбу перехитрил —
 И вырвал с неба дочь,
 И сколь хватило в жизни сил —
 Судьбу смог превозмочь..

И в ней нашел вселенский смысл
 Всей жизни на земле,
 И суть сокрытых тайных числ,
 Сокрывшихся во мгле..

И эту поборов судьбу,
 Свой страх преодолев,
 Ей присягаю, как табу,
 Что умирят гнев..

Покуда жив — со мной она —
 В ней — бабушка, и мать..
 И все былые времена
 Способны дочь связать..

13.01 2005 г.

ПАМЯТИ ВОЛОДИ ТЫХМАНОВСКОГО

Горела кроткая заря
 На розовом снегу,
 Сияя светом янтаря
 И семужным рагу..

Ни звука лишнего вокруг,
 Лишь молоток — о гроб,
 Где навсегда уходит друг,
 Целованный в висок..

И с ним отчаянье мое
 И волшебство речей,
 Эпохи целой забытге,
 Где ты — уже ничей..

Веревки, комья и цветы —
 Обычный ритуал,
 И помещен навеки ты
 В подземный крытый зал..

Где наши истины, где толк
 Прозренья судеб,
 В котором знали мы восторг,
 Который так нелеп..

Казалось — только дотянись —
 И вот — секрет в руке..
 Синицы слышу тонкий писк
 Совсем не вдалеке..

Смотрю — на веточке она
Сидит насторожась,
И снова рядом тишина,
И белый снег, как бязь..
12.01.2005 г.

МОЛИТВА О ПРОЩЕНИИ ГРЕХОВ

*«Не делай добра —
не получишь зла...»*

Пословица

О! Господи — прости мои грехи,
Которые вершу из сострадания,
Которые всевластны, как стихи,
И неподвластны мне, как бремя знания..

Мы рождены на свет ради дерзания
И замыслы сначала не плохи,
Но слишком рано крикнут петухи —
— И мы теряем самообладанье..

И вот уже порывом глупых чувств
Переступаем благонравья меру,
И, не владея азбукой искусств,
Придумываем Доброты химеру —

И нам расплатой — целой жизни крах
И по ночам — возмездие и страх..
14.01.2005 г.

ВСЕЛЕННОЙ — 1

(сонет)

Вселенная — вселение людей ?!
 Не в этом ли — сокрытая задача
 Развитие космических идей,
 Где цели дерзновенной недостаца..

Вселенная.. Не может быть иначе.
 Вот торжество безумнейших затей;
 Им одержим последний книгочей,
 Которого в державах недостаца..

Но Федоров в библиотеке спит
 На сундуке — и миражами бредит,
 И Циолковский — техники пиит —
 Ракету конструирует из меди..

О! Господи — родился Королев!..
 И у поэтов не хватает слов..
 22.01.2005 г.

ИЗ СТИХОВ ПРОШЛОЙ ПОЕЗДКИ В МОСКВУ

6—10 декабря 2004 г.
 (из записной книжки)

Неумолимость нравственного толка
 Я вижу в русской сказке изнутри:
 Внутри яйца — бессмертия иголка..
 От ведьмы ждут совет богатыри..

Простолюдин не враз попал в цари
 И помер поп от молодцова щелка..
 Везде — Загадка. Тайна. Недомолвка,
 Тревожная, как красный цвет зари..

Секреты русской книги Голубиной
 Не поддаются праздному уму,
 И только сердце чувствует глубины,
 В седую уводящие во тьму..

О! Родины великое наследье..
 Не в нем ли — сущность
 твоего бессмертья..

06.12.2004 г.

поезд «Челябинск — Москва»

Запись — после записи на ТВ «Пять вечеров», где я
 выступал примерно так же, но в прозе, и был вырезан по
 редакторскому умыслу и исчез в эфире. Ну и хорошо..

запись 21.01.2005 г.

ПЕСНИ ТРИНАДЦАТОГО ПОЕЗДА

1.

Даруй нам, Господи, прощенье
За все невольные грехи
И дай для жизни в утешенье
Восторга звучные стихи...

•

Когда на солнечном восходе
Златые струны у зари
Вещают здравие природе —
Ты нас Прозреньем одари...

Дай разглядеть Любовь и Ладу —
Золотокудрую Весну,
И жизни праведной отраду —
Час отхождения ко сну...

Добро и Зло уравновесив,
Твою премудрость изуча —
Пусть мы покинем твои веси
Подобьем светлого луча...

10.12.2004 г.

Ночь

2.

Звенит озябшая зеница
Узором золотых снегов
И день, как в кузнице, родится
Из изморози жемчугов.

Змеится зимняя поземка,
Зерном зальделым шелестя,
И стога жалкая соломка,
Как древле, плачет, как дитя...

Стою, щекой прижавшись к дубу,
Слеза застыла на ветру.
Хрустит замерзший полушубок.
Я — дед. И скоро я умру...

Я знал рассветы и закаты,
Прозренья. Лето и весну...
И зрак Зимы, как яд Сократа,
Без сожаления приму...

10.12.2004 г.

поезд «Москва — Челябинск»

Ночь

3.

Как старый рельс, щербатый от ударов,
Истертый от нагруженных колес,
Изношенный и сброшенный не даром
Путейскими ломами под откос,

Так ты — мой друг — и я — твой собеседник —
Мы скоро под откосом возлежим,
И нас заменит молодой наследник,
Не прекращая транспортный режим...

Но — не грусти: металлолома доля —
Не только печки огненной жерло...
Ржаветь приятней в чистом русском поле,
Быть может — нам и вправду повезло.

Нас закалили в прочности недаром
Уральские стальные мастера —
Сгодимся мы для крыши над амбаром
Иль перекрытья барского двора...

*Там же,
Тогда же...*

4.

Мы въезжаем в царство Смерти —
Стылых сторбленных снегов,
Белых, как письмо в конверте
От доносчиков — врагов...

В царство нищих оборванцев
Возле свалок дорогих,
Что покажут иностранцам
В чистых помыслах благих...

В этом Царстве — Государстве
Вечны избы и снега,
Друга верного коварство
И пичужка — пустельга...

Вечны в этом царстве Смерти
Также согнутость спины
С уверением: «Не верьте!
То — проделки Сатаны...»

*Там же, тогда же, на подьезде к Уфе,
белые снега и горы, ницета и темень...*

5.

От Уфы до Челябинска —
Три столетья пути.
По дороге расслабиться —
Пятачка не найти.

То — раздоры усобицы,
То — братанье захлеб,
То, по русской пословице,
Немца русский за..б.

То — сокровища горные
— Самый Южный Урал,
То — устои опорные,
То — звериный оскал..

Кержаки да кандальники,
Декабристы — юнцы,
Террористы — охальники,
Вертухаи — гонцы..

В каждой складочке — родина
То для бомбы творца,
То — такого уродины,
Что подлеи подлеца..

Тут закон Менделеева
Минеральных богатств
Обозначен затеями
В части всяческих блядств.

И, сокровищ грабители
По соседству стоят
С губошлепом — любителем
Парт-активных наград..

Время нынче — охальное,
Потому и дворцы
Строят срочно нахальные
Перемен мудрецы..

Там, глядишь и Демидовым
Он прославит себя,
Чтоб потомок завидовал,
Душу в раже губя..

От Уфы до Челябинска
Пять часов на авто..
Может, наглость прославится
Три столетья зато..
Та же ночь, и тот же поезд..

6.

В стране Виринеи —
Российской Медеи,
Где женщины — в черных платках,
Живу я, мудрея,
Подобно евреям,
Чья мудрость известна в веках..

Предгорья и сосны,
Холмы и утесы,
Вокруг самогонка и блуд,
Строптивые кони,
Презрение к закону,
И сплетен завистливый суд..
В стране Виринеи
Рыданья слышнее —
Отчаянье женских сердец.
Здесь властвует похоть,
Здесь чертополохом
Означен надеждам конец..

*Ночь в поезде № 13
«Москва — Челябинск»
Мимо Сатки к Златоусту..*

*Из записей декабря 2004 г.
(путевая тетрадь)*

БАЛЛАДА О ПОДАРКАХ

О! Мама — мама, у меня
 Всплыла внезапно детства память..
 Я сдал недавно в свете дня
 Тобой завещанный экзамен..

Ты говорила часто мне:
 «Дарить добро — такая радость.
 Оно — со счастьем наравне —
 Всей жизни составляет сладость..»

И ты дарила мне всегда
 Такие скромные подарки —
 То в белом камушке — слюда,
 То шарф — дешевенький и яркий..

Был юношей я городским,
 Столь озабоченный карьерой:
 Меня тянуло лишь к другими
 Что были мудрости примером..

И я тогда не замечал,
 Как вещи — словно талисманы —
 Меня хранили по ночам
 И помогали постоянно..

Бюст полководца в три рубля,
 Портретик Пушкина наивный,
 В картонном томике — Золя,
 Вергилия «Буколик» гимны..

Вот ты купила шкаф для книг
 У немца пленного дубовый —
 И чистых стекол каждый блик
 Мне предвещал судьбы обнову..

И вскоре я обрел жену,
 Детей и прочую оседлость..
 Как говорили в старину:
 «Остепенился», минов бедность..

С вещами в новый дом войдя,
 Я добавлял твои сюрпризы —
 Чугунный барельеф вождя
 Иль бледный облик Моны Лизы..

И каждый мелкий сувенир
 Так заполнял пространство жизни,
 Что стал бессилён внешний мир
 В упреках или укоризне.

Я становился сам собой,
 Стирая пыль с подарков мамы,
 И сталь теплела под рукой,
 И у картин звенели рамы..

И, проводив тебя навек,
 И, защищен твоим пространством,
 Я встретил новый страшный век,
 Как путник и любитель странствий..

Со мною рядом — Дон Кихот,
 Ермак, и Будда, и Конфуций,

Тобою купленный киот —
— Прибежище сакральных функций..

И вот уже и я созрел
Дарить дешевые подарки:
Вот внук — подросток и пострел,
Его дневник — одни помарки.

Вещей — две комнаты, увы:
Компьютер, радиокассетник,
Моделей сотни боевых
И автономных, и из сети..

Мячи и клюшки, телефон,
Пока не сотовый, а просто
Старинно-проводной, но он
Весь раскалился от вопросов..

Об уравнениях, о кино,
О всяких списанных заданиях,
О всех машинах заодно
И о компьютерных страданиях..

Что можно внуку подарить,
Когда завалы из предметов,
Три бабки проявляют прыть
И трое тетушек при этом.

И все-таки — я **ПОДАРИЛ!**
Вернее — обеспечил суммой
Родителей азарт и пыл
В их современности безумной.

И это был **ФОТОАППАРАТ.**
Предмет, который я напрасно
Ждал пол-столетия назад.
Не получив — страдал ужасно.
Он маме был не по деньгам,
А — значит — это было «вето».
Я относился, как к врагам,
К владельцам фирменных предметов.

Но это было — в прошлый век,
И были снимки дорогие.
Давно растаял детства снег,
Настали времена другие.

Вещей дешевых больше нет —
Мне объяснили сослуживцы.
Престижный мальчика предмет —
Ему опора для амбиций..

Иначе — он не вписан в круг,
И он — **ТРАВМИРОВАН**.. Ну, ладно..
О, мама, мама — милый друг,
Сложились времена нескладно.

Подешвел ли нынче ум —
Или меня не так учили:
Вот мой итог шуточных дум:
Эпохе каждой — свои были..

Запись 21.01.2005 г.

«И КОРАБЛЬ ПЛЫВЕТ...»

Фильм Ф. Феллини

Сценарий Феллини и Гуэро

Производство — Италия, примерно — 80-е гг.

(Гениальная эволюция человечества на фоне событий начала I Мировой войны, прах певицы у острова развеивают, а сербы террористы подрывают австрийский крейсер... Гибнут и артисты, и сербы, и влюбленные пары, и невинные дети)... Печальный римлянин Федерико оставил в наследство печальный фильм.

Памяти Федерико Феллини — кумира стольких лет

* * *

А наш корабль по прежнему плывет
Средь войн и мятежей, и терроризма,
И пересечь нельзя на звездолет
Во имя золотого коммунизма.

Как человечества судьба капризна —
Вчера казалось — все путем идет
И процветает славная отчизна —
А нынче в обстановке эротизма
Ей член, как кляп засовывают в рот...

И тлен, и смрад покрыл воронки вод,
В которых тот корабль пропал навеки,
В истории оставив анекдот
Как кто-то плыл — изгой и калеки...

Сокроет время нас, как океан,
И гул печальный поглотит туман..

23.01.2005 г.

Г. Б. Здановичу

КАК ГУЛИВЕР — ГУЛИВЕРУ!

Мы — великаны среди лилипутов:
Слишком громаден наш рост,
Нам не понятны их ложь и распутство,
Мы же — касаемся звезд...

Нас сумасшедшими скоро объявят:
Мысли им наши страшны,
Знание веков — и их жалкие нравы —
Формула нашей вины...

Мы прозреваем течение столетий —
Им же доступен лишь миг,
Мы разрываем мгновения сети —
Разум наш слишком велик...

Вот перед нами проходят народы —
Мы воскрешаем их смысл,
А лилипуты боятся природы,
Веря лишь в магию числ...

Будьте бесстрашны, мой друг по несчастью —
Не уменьшайте свой рост,
К худшему будем готовы ненастью:
Нас великаны снесут на погост...

РАЗГОВОР С НЕСВЯТЫМ ДУХОМ

(шутка)

Заведу я разговор —
С Духом — Духом не понятным,
Совершенно с давних пор
Неразгаданно — невнятным...

Где-то он внутри живет,
Постепенно накаплиаясь,
Раздувая мне живот
И куда устремляясь...

То ль к поэзии благой
Робко просится наружу,
То ли к мысли дорогой,
Энергичной в жар и стужу...
Мне терзает слабый мозг,
И урчит в моем желудке,
Дух стремится выше звезд
Улететь раз десять в сутки...

И приходится пускать
Этот Дух, коря укором,
Тело вчуже оставлять,
Не при людях бы... с позором...

СОНЕТ О КОШКЕ...

Кошка худеет от старости,
Грустно глядит на меня,
И в поступающей слабости
Тянется к жару огня...

Блеск уходящего дня
В каждом зрачке ее плавится,
И желтизна появляется,
Цвет ее глаз изменя...

Шерстка ее бархатистая
Мне соболиной милей...
Но все слабее в ней искрами
Память пронесшихся дней...

Глажу ее — и мурлыканье
Словно прощанье великое...
28.01.2005 г.

Слезы навертываются на глаза от страдания моей ласковой подруги. Сколько раз спасали мы ее от гибели — но неотвратимее ее уход. А любишь ее под старость до безумия, словно это самое дорогое, что есть на свете... Увы... Столько уходов вокруг.

В. КОРОЛЕВУ — В ДЕНЬ 50-ЛЕТИЯ!

Средь всех моих взволнованных друзей,
Наследием Урала поглощенных,
Не много тех, кто золото с полей
Умеет добывать в среде ученой..

Ты знаешь тайны родины своей,
Во многие секреты посвященный,
И потому судьбой неразвращенный,
Встречаешь Золотой свой юбилей..

Да будет к тебе милостив Урал,
Руно наполнив золотодобычей,
С угрюмых скал взирая свысока.,

А с ним Алтайские озера и Байкал.
Где ветры одержимы в дерзком кличе,
Где посвист вьюг страны — материка.
31.01.2005 г.

*Ода при лицезрении ночного неба
в январе на фоне высоких каменных стен
и снежных сугробов*

ОДА ВСЕЛЕННОЙ — 2

О! Ты прекрасная Вселенная —
Ты просто — необыкновенная!
И, пусть гнетет нас сила брменная,
Ты вечна в небесах Вселенная!

Ты, красотой своей отменная,
Размахом мощи — несравненная
Ты светишься в ночи, почтенная,
Как будто роспись поколенная..

Ты, звездным ходом неизменная,
Ты, жизнью полная, нетленная,
Мы пьем тебя, как пиво пенное,
Хотя судьба у нас посменная..

О, ты — Владычица Вселенная —
Пусть наше счастье — переменное,
Пусть наше тело — тело брненное,
Ты — наша сила возрожденная,
Ты — радость духа вдохновенная!
19.01.2004 г.

ЗАКАТ ЗИМОЙ

Купаюсь глазами и кожей
В горячем закате зимой..
Крещения день непохожий —
А солнце сияет весной.

И ответ на всем неземной,
И, золотом в царственном ложе,
Горит у светила подножье
На уровне глаз предо мной.

На запад лечу на машине
Средь россыпей алых снегов,
И слепну почти по причине
Избытка восторженных слов.

Закат скоротечно — пугающ;
И я за рулем нагибаюсь..

19.01.2005 г.

Дорога возле с. Сосновка

К 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

День Победы в стране побежденной —
Не сатира ли это сейчас?
Не в своем ли уме поврежденный
Современный владыка на час?

Оптимизмом отнюдь не лучась
И ЧП без конца изможденный,
Что он видит в душе удрученной,
Спотыкаясь в извилинах фраз..

Куликовскую битву иль Калку..
Магадан, Сахалин, Бухенвальд..
Иль — на пенсии кресло-качалку,
Палку, вбитую в мерзлый асфальт..

День Победы — венок погребальный
На могиле Отчизны печальной..

январь 2005 г.

ОДА ЗАПЛАТАМ

Ода любования по случаю лицезрения заплаток на своих десятилетних зимних ботинках при ярком весеннем солнце в горах Верхнего Уфалея, стоя перед окном в гостинице четвертого этажа с видом на старинный пруд древнего заводского поселка..

О! Ослепительная явь
Роскошного святого снега!
О! Господи, меня направь
На зренье твоего ковчега!

Тобой раскинутый шатер
Один достоин восхищенья,
Под коим свищет птичий хор,
А человека ждут мученья..

Достоин я лишь лютых мук —
Болезней, старости и глада,
Поскольку делу утлых рук
В исчезновении — награда..

Я — смрад. Я — ложь. Я — жалкий кал.
Помеха — в роскоши Природы..
Стниет мной плавленный металл,
Но будут вечны неба своды.

Уйдут заводов корпуса
В землетрясении могучем,
А птиц — бессмертны голоса
В зарницах молнии летучей..

Но, если я донныне жив,
Счастливо избежав аварий,
Но, если мой язык не лжив
И не подобен лаю твари,

Но, если, силою вещей,
Еще идти дерзаю твердо,
Хоть предвещает мне Кощей
Заупокойные аккорды..

И, если внука стук и бряк
Меня отнюдь не раздражает,
И даже самый лютый враг
Меня в врага не обращает..

Да, если голос нищеты
Способен гнев во мне исторгнуть,
А лицезренье Красоты
Поэзии дает восторги —

То почему я колебим
Стиснением заплат и латок,
Коль, Господом самим храним,
Ему в долгу лишь неоплатном!

Перед роскошеством людским,
Забывшем утлость дней в разврате,
Я буду счастлив лишь одним —
Достоинством, что не в утрате..

Достоинства простую честь
Я накопил в судьбе по крохам,

И не вершил с рожденья мечь
И лещь не воздавал эпохе...

И вот сейчас я не стыжусь
Контраста жалкого с Природой..
Ботинки славя.. Ну, и пусть
Что одержим высокой Одой!

Мгновенье дал Господь.. Увы!
Но вижу я весь мир огромный
Стихий объятый роковых,
Как Дом, где правит труд и скромность..

Будь неуклонен, Человек,
В долготерпении суровом,
Сооружая свой ковчег
И честно ладя в нем основу.

Тогда, Вселенной вопреки,
Еще наладишь ход планетный,
Чьи оси к смертности близки,
Где запах тленья безответный..

Потомки смогут разгадать,
Как Смерти победить всемирность,
А нам дано дерзать и знать,
Что Человек — владыка мира!..

Ему заплаты класть не лень!
Ему — сверлить и твердь, и небо!
И каждый час и каждый день
Растить детей и колос хлеба...

Я этой участью горжусь!
Гордись и ты, о мой потомок,
Страною праведной, о, Русь,
Где голос честности не громок.

И, пусть в заплатах эта Русь —
Она еще не раз воспрянет,
И это имя наизусть
Все человечество помянет..

05.02.2005 г.

г. В. Уфалей. Гостиница.

ЛАГЕРЬ ДЛЯ РУССКИХ

Последний русский загнан в резервацию...
Он ненавидел немцев и татар,
Не подписав с китайцем декларацию,
Не проявивши к соглашениям дар..

Закончен этой нации пожар...
Закончил мир большую операцию
По отчуждению прав на декларацию
Всех недоумков, загнанных в амбар..

А начиналось все такой надеждою —
Объятями, крушением всех стен..
Потом — борьбою с рыночным невеждою,
Потом — заменой умственных систем..
И, наконец, разъяв страну на княжества,
Последний русский в лагере окажется..

ЭПОХА ГОСПОДСТВА НЕДВИЖИМОСТИ

* * *

Недвижимость —
Неслышимость,
Невидимость — увы:
Незнаемость,
Негаданность,
Нечаемость молвы..

* * *

Именно Недвижимость и строительный бизнес во всем мире считаются главной областью вложения для «грязных денег»

Недвижимость —
Обиженность
Униженность —
И гнев,
Пристыженность
Приближенность
Всех стариков
И дев..

РАЗМЫШЛЕНИЕ О СОБАЧЬЕМ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВЕ

(новелла)

Зима в этом году студеная, с редкими лыжными днями, когда можешь себе позволить роскошь раскованного бега меж реликтовых сосен под равномерный ритм отталкиваний палками, сохраняя все более неустойчивое — с годами — равновесие при стремительном скольжении новомодных полозьев, облицованных тонким пластиком с яркими псевдо — рыночными наклейками...

Секрет собственного равновесия выработан давно, обретен сотнями падений в юности, зрелости и даже в преклонные года, вошел куда-то в подсознание, в подкорку, как у каждого долгожителя северных территорий...

Не угадал структуры льда и свежего снега, не почувствовал коэффициент скольжения — сцепления — лети в кусты, в колючие обломки от прежних падений дураков, охай и натирайся мазями, ходи к лекарям — аптекарям, если не способен мыслить, контролировать процесс передвижения, сохраняя устойчивость и надежность...

Это — саморегуляция, без которой нет живого существа, к коим ты можешь и не относиться через некоторое время, превращаясь в простой предмет...

Этого я не хотел. Я в редкие дни вставал на лыжи, и пробегал по пять — семь километров, хотя раньше мог и втрое больше...

Но годы брали свое, да и собака в эту зиму не поспевала за мной, то отставая ради обнюхивания искомой пищи в виде объедков от моих соплеменников, закусывающих в морозы с учащенной регулярностью прямо в лесу на пеньках или пригнутых снегом слабосильных постаревших кленах...

И вот однажды, после такого резвого полуторачасового марафона моя собака... обезножила...

Сам-то я, помывшись и переодевшись в теплое белье, безмятежно отоспался, а она — бедная — покорно мерзла у наружной двери, где дуло в щель из подъезда, а к утру — вообще не могла разогнуть задних ног...

Но и хлебнул я забот: носил ее во двор по нужде, поил горячим молоком и отборным мясом — она умоляюще смотрела на меня, но ноги не разгибались... Опрометью погнав себя за машиной в гараж, я отвез ее к ветеринару, причем из понимания (к врачу ездили пол-лета по другой причине — от заразы кожи) моей заботы, собака моя, вынесенная во двор к машине, сама в нее села, постанывая, и так же вышла у крыльца ветлечебницы...

«Надсадили вы свою старушку», — участливо упрекала меня красавица врач, которую по облику — на подиум конкурса красоты бы, а не рядом с запаршивленной скотинкой находиться... Но, видно — и здесь неплохо шел приработок: я сам охотно платил столько за пса, что, наверно, две челюсти вставить себе мог... бы, да до себя пока руки не доходили...

Словом, по ее рекомендации взял я набор ампул и капсул, препаратов и реактивов, дабы ставить на ноги свою подружку, и додумался до... лежанки, кою, честно сказать, за пятнадцать лет моя сучка честно заслужила...

Лежанку — коврик купил маловатую, да дополнительно взял старое пальто сына — и улеглась моя красотка в тепле и холе, обретя стать и силу не по дням, а по часам...

Словом, понял я — неспособна она к саморегуляции, к самоконтролю. Вслед за хозяином бежит до изнеможения, веря ему во всем, всегда и без колебаний...

А так ведь — и до смерти загнать животину можно...

«Стоп, стоп, — подумал я — теперь придется мне одному саморегулироваться на лыжных гонках — самогонках, без собаки. Собаку — то в таком возрасте невозможно остановить — слишком она послушная и недалеко до самоистребления...»

И тут я вспомнил, как ее со щенка учил подчиняться моей воле — то, по глупости, насилем: кричал, дергал, волочил, даже пинал, пока она — чуть спусти с поводка — опрометью от меня в лес убежала, так что ни колбасой, ни тушонкой ее заманить нельзя было. Ходил до пол-ночи в поисках — она предпочитала мусорки моим деликатесам... Обманом только и выпугивался, иногда под утро, валясь с ног от усталости...

Потом — умный дрессировщик взялся, как ее саморегуляции лишить лаской, доверием и кормом самым необычным. Правда — это был его личный секрет, он мне его доверил, как вождь — опытный в соблазнении малых мира сего. Тем секретом я и только и выжил, лишив собаку навсегда свободы выбора. Скажу — сделает все, как прошу: и сядет, и ляжет, и через забор полезет, и палку принесет, и в воду кинется... Даже по бревну будет идти, балансируя и дрожа от напряжения...

Так и выросла моя сучка, переноса тряску в машине, терпя по пол-суток между гуляньями, охраняя мой сон в деревне и даже таская санки внука, когда он был мал...

Я стал Богом для нее, позволяя ей лишь короткие паузы для кобелиных ласк в период течек, дабы потом раздавать знакомым породистых щенков, из коих — правда — немногие выжили: породистая немецкая статья не выносила российской чумки без дорогих прививок, на коих все пытались подло сэкономить хозяева — крохоборы...

Словом, я управлял Собакой, лишив ее способности быть самой собой, и теперь пришло время думать и об ее сохранении... Нет у собак пенсии, и все должен делать хозяин...

Оказывается — управление всегда лишает живое существо способности к самовыражению...

Не так ли и мы — русские люди — дрессируемые с детства своими Богами...

Мне показалось, что с этой минуты, когда я нес на руках обезножившую собаку, я что-то стал смутно понимать в нашей трагической истории... А было-то мне шесть с половиной десятков лет — поздновато для прозрений...

А собака благодарно лизала меня в лицо, когда я пыхтел с нею...

20.02.2005 г.

* * *

Снова прибыл милый сын
В снежной буре, как Архангел,
Или воин из фаланги —
Жалких персов господин..

Вечный в жизни паладин
С мглой опасности на фланге..
Вновь один и не один —
Всадник на лихом мустанге..

Как люблю его азарт,
Вдохновение и пылкость,
Крутит волос на затылке,
Изготовившись на старт...

Жизнь моя — моя кручина:
Одного иметь лишь сына..
06.03.2005 г.

После ночной бешеной снежной бури он появился с аэро-
дрома, встреченный уже без меня моей дочерью и зятем..
6 марта 2005 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПИСЬМАМИ ОТЦА

Наконец они легли передо мной в напечатанном виде —
6 десятков писем отца с фронта (точнее 63 — с 15 января
1942 г. по 1 сентября 1943 г.):

годы жизни: 18 октября 1904 г.

гибель: 3 сентября 1943 г.

(письмо Белякова Василия Прохоровича от 6 сентября,
где сказано:

«погиб при выполнении боевого задания..

Если что Вас интересует — пишите по адресу...»)

Извещение официальное переносит дату пропаже без
вести на 6 мая 1944 года!!!, причем уже после войны (6
апреля 1946 года). А через две недели (22 апреля 1946
года) дополняет «пенсия назначается с 1 июня 1944 года».

А еще через год 10 июня 1947 г. странно извещает,
что.. «Ваш лейтенант Шишов в бою за социалистическую
Родину, верный воинской присяге, проявил героизм и
мужество.. пропал без вести в мае 1944 г. (прошло 9
месяцев, как он погиб или пропал??) Настоящее извеще-
ние является документом для возбуждения ходатайства о
пенсии...»

Почему Беляков не сказал ни слова о похоронах и
просил писать о деталях и вопросах потом? Почему изве-
щение о «пропаже лейтенанта без вести» пришло только
после войны? Что за драма происходила в семье, где кро-
ме краткого письма однополчанина, более ничего не из-
вещало — ни военная часть, ни любое начальство.. Ужас
и скорбь овладевают любым, кто прочитает эту эписто-
лярную книгу — рукопись, полную ощущения жертвоп-

риношения интеллигенции в вале военных катастроф и просчетов...

Я не хочу педалировать ту мысль, которую мне внушала мать в разговоре 1982 года о том, что она якобы боялась все время и до конца войны и, особенно, после, что отец окажется жив и в плену, и потому справка после войны (1946 года) сделала ее полноценной вдовой погибшего на фронте офицера без двусмысленности и тайного страха... Думаю, она даже не исключала его перехода через фронт (?).

Но, если перечитывать (уже в печатном тексте) письма внимательно, то с января 1942 г. по сентябрь 1943 г. мы видим следующую эволюцию затравленности и нарастающего отчаяния:

I период — работа в Троицке в военном трибунале.

Горячая память о доме: «Килька» (сын). Я с сыном мог сидеть целыми днями, он меня занимал и поглощал. Разумеется — это влюбленное отцовство, которое нельзя навязывать другим... Положение с семьей — у меня из рук вон...

Мое положение не блестящее — я — старший писарь в Военном Трибунале... Привет Гр. Володе — думаю после войны встретимся обязательно!

От 15 января 1942 г.

«Попасть в Ч. по ничтожности положения возможности не имею...

Положение не определено и бесперспективно...»

январь 1942 г.

«Кириллушку до смерти хочется повидать...»

февраль 1942 г.

«Болтаюсь с командным составом — ни то, ни се...»

март

«Сижу в эшелоне, денег — ни копейки. Уезжаем.»

28 апреля

«Видел одного малыша — расчувствовался... Вспомнил Вас...»

Ст. Перово. Москва: «В Москву не попасть, даже — в баню...»

6 мая

Новгородская земля — проезд: 20 мая 1942 г.

II фронтовой

(май-июнь, июль)

II период — работа в Военном Трибунале армии (кем — писарем?)

«Деревня, где были немцы почти пол-года! Окон в домах нет (стекло?), есть только три деда, один с внучкой лет 12... Ходит ли Кирик загорать и дышать свежим воздухом...»

26 мая

«Жаркий солнечный день. Соловьи. Кукушка. Фронт — в 10 км. Орудийные раскаты. Комары. Вижу “несимпатичные сны...”» июнь

«Первая Баня. Был первый бой, я не утерпел и ходил вперед, впрочем — на весьма почтительном расстоянии... И так, друзья, будем ХРАБРЫ и запасемся чесноком...»

5 июня

«Ударили ливни. Я плохо сплю. 22 несчастья — сломался зубной мост... Даже хлеб не могу грызть... Досада...»

27 июня

«День без дождя. На меня сыпятся беды: болят зубы, стреляет ухо, слабость и муторно... Самая канцелярская жизнь — аж душу воротит... Фронт далеко. Люди засиделись и развлекаются кознями друг против друга...»

5 июля

«День более или менее летний. Жду себе замены, ожидания не видно конца. Куда меня определят? Перемена обстоятельств ожидается мной с нетерпением...»

10 июля

«Пока есть стул и стол — пишу Вам письмо. (Об Евг. Онегине, Пушкине). Удастся ли вернуться к трудам, обольщающим всю мою жизнь... Гляжу в будущее с боязнью... Поэтические фантомы неудачны для меня по причинам внутренним... Мне не везет».

15 июля

Далее письма 16, 18, 22, 23 из землянки на новом месте, хотя и в ожидании смены.

Потом опять землянка: 10 августа

III период — резерв Военного Трибунала армии

«Я признал себя окончательным неудачником... Хотя — не землянка, а дачные домики, комфорт, столовая, кино, даже постельное белье...»

18 августа 1942 г.

«Книги Конан-Дойля...»

21 августа

«Ночные дежурства, патефон, даже артисты Ленинградского Театра (б. Александринка), плата за столовую...»

26 августа

Пребывание в Москве — 10 октября 1942 г.

«Опять еду на СЗФ: что ждет? Неизвестность... Откомандирован как Б/Т (что это?). Встретил Гришу В Мосторге, побыли 2 дня вместе. В Москве все по-старому и отлично. Счастье у меня вечно было и есть «кривое», а «кривая», как говорится, вывезет...» 12 октября 1942 г.

Тыл — учеба в Вышнем Волочке

октябрь

«Мне 38 лет и я — в казарме... Думал, не подойду на курсы, а вышло наоборот. При определении сюда я мог бы оказать сопротивление, но не умею этого делать и не умел доказать нелепость и такой — произошедшей комбинации со мной...» 18 октября 1942 г. Ключевое письмо внутри. духа.

Это — День его Рождения — 18 октября 1904 года
 «Вот если бы написать об этом, изложить возражения — я бы это мог сделать с полной силой.. А так.. На словах, в минутном разговоре я мог только мямлить — и оказался кандидатом на строевого офицера...»

18 октября

Из слов Григория Алексеевича о той встрече:

«Я ему сказал — куда ты лезешь, хочешь смерти? Он начал возражать даже моему предложению о переводе на наш фронт, под Рязанью.. Тогда я понял — он для себя все решил сам...»

(этот разговор был у меня с Г. А. — в начале 70-х годов)

«Меня поддерживает упование, что и это последнее «приключение» — опять-таки к лучшему..»

Может быть, я окажусь ближе к идее, которая меня занимает. Во всяком случае, для писательства (в моей жизни было бы точнее именовать «заклочениями» это — сущий хлеб).

И все пригодится, если будешь жив.

Как у Федора Сологуба:

«Попал ты на качели,

Качайся черт с тобой»»

22 октября. «казарма»

«Кажется — это будет из наитруднейших испытаний за мою жизнь.. Та точка «непротивления», которой я отдался в Москве, событием определяющим мою судьбу, оказалась явно порочной и завела меня сюда..»

Всегда надо пытаться подтолкнуть судьбу...»

1 ноября. «казарма»

Цитирует Блока (без точности):

«Довольны будьте жизнью своей —

Воды стать тише, ниже стать травы..

О! Если б только знали Вы

Весь мрак и ужас вам грядущих дней...»

Это ощущения Блока. Мысли справедливые, что и говорить..

Эк ведь напророчил! Страшно! Страшно!»

10 ноября 1942 г.

Письма из казармы 18 ноября, 24 ноября, 17 декабря:

«Отношусь скептически к Новому году: не думаю, чтобы я вернулся домой в 1943 году... Хотя настроение стало лучше — несколько отупел, пообвык, как птица в клетке»

1943 год

«На душе у меня так скверно, что и вымолвить не мыслимо. Сжался — и только терплю — терплю...»

1 января 1943 г.

Далее: 28 февраля, 5 марта (конец казармы)

«Как вижу малышей на улице — просто начинаю “потрясаться”...»

11 марта, 14 марта, 19 марта — открытки перезда.

IV период — лейтенант на передовой

С 20 марта 1943 года

«Адрес — та же часть, с которой я служил в Троицке с начала формирования...»

Я уже отчаялся в личной судьбе, чтобы приспособить ее к своим чаяниям и желаниям... Какое-то неустанное и упорное разрушение моего труда...»

28 марта

«Попали под «огневой налет» минами. Лучше бы вы уехали к Володе (в Хакасию?)»

6 апреля

«Готовимся к боям на новом месте (южнее Рязани (Курск)?). Письмо сохрани и вложи в мои рукописи. Со временем их отберет чья-нибудь заботливая рука, и они увидят свет... Это — почти мое завещание.»

26 мая

Эпизод «На Южном фронте». Проверить!!!
«Опять — на север, на СЗФ!»

24 мая

Письма: 10 июня («Написал книгу для Киры?»), 24 июня, 29 июня («Возвращаю фотографии?»)

«Видеть Кирилла в неудавшейся мне роли писателя, было бы отраднее всего. Надо, чтобы как можно больше было талантливых людей. Это усовершенствует жизнь, возможно...

Тогда Россия, СССР расцветет небывало...»

12 июля

13 июля, 25 июля, (август — без писем?), 1 сентября — последнее письмо!

Погиб 3 сентября 1943 года

К 8 марта 2005 года

Моим любимым:

НАТАШЕ

Подобно с обложки Герберам —
Ты — праведной жизни примером.
Пусть в детстве была пионером —
Не стала потом миллионером.

Мы начали новую эру,
Сменили и цели, и веру,
Увы, не свершили карьеру,
Приблизившись только к барьеру...

Прекрасны явления марта —
Начало весеннего старта,
И пусть не козырная карта —
Ты выше судьбой Бонапарта!

Примечание:

*Она была уже смертельно больна,
и умерла в июне с. г.*

ТЕЩЕ — 89 ЛЕТ

Соединила нас судьба
Родством не знаменитым...
Нельзя подпрыгнуть выше лба,
А зятю — стать приитом...

Но Вы меня ввели в соблазн
И одухотворили

Поскольку Ваш энтузиазм
Вширь развернулся в Миле...

И Вашей мощью покорен
Я Вам желаю здоровья —
Правнуков целый батальон
Вы — бриллиант — в оправе...

КАТЕ АВЕРКОВОЙ

Всех красивей и милее
Лепесточки орхидеи,
В диких тропиках растут,
Чуть морозы — им капут...

Ты живешь среди морозов,
Не страшны тебе угрозы —
И всегда среди людей —
Ты прекрасней орхидей...

АНЮТОЧКЕ МОЕЙ

Дорогая дочка —
Тридцать два цветочка!
Тридцать два годочка
Как нас тешит дочка!

Будь же так любезна —
Нам во всем полезна
Ты цветочек мака
Яркий свет — средь мрака

Словно хризантема —
Целая поэма
И — прекрасный ирис,
Чтоб все поразились...

А цветы мимозы —
Это в радость слезы...

ЕКАТЕРИНЕ II — КАТЕ II?

Походы — кони и поездки —
Все это — сказочно — прелестно,
Но жизнь длинна и прозаична,
В ней трудно получить «отлично»...

А потому — есть предложенье —
Осваивать «сложенье — умноженье»,
Поскольку, знаем мы заране —
Нас отрезвляет вычитанье...

Терпения Вам и любви по силам —
Ведь нелегко на небе быть светилом...

ОТЦЫ И ДЕТИ

(цикл)

* * *

*Читая книгу И. Кудровой
«Гибель Марины Цветаевой»*

Чему отцы нас могут обучить,
Допросами изломаны и пыткой,
Измучены войною и попыткой
Хотя бы детям участь облегчить...

Давным-давно порвалась эта нить..
Давным-давно объявлена ошибкой
Тлетворное желанье: совместить
И долг, и совесть — с мировой сшибкой...

Но, мы, их опыт вызнали сполна,
Прожив пол-века в мире двоесердья,
В разгуле двоемыслия и усердья,
Где даже и раздумие — вина...

И снова мы обречены на пытку
Патриотизма с трещиной по слитку...

* * *

Отец, отец, как поздно понимаю
Всю муку времени, убившую тебя,
И сына каждый подвиг созерцаю,
Как цепь страданий, мучась и скорбя...

Летит эпоха, гонку торопя,
То присягая октябрю, то — маю.
По-русски мы и стонем, страдаем,
К пустому небу в гневе возопя...

А нить всех поколений неразрывна,
Как музыка страдающего гимна...

14.03.2005 г.

Поезд в. Уфалей

МИФ

*«Миф — это закономерность
бытия сквозь быт...»*

*И. Кудрова
«Гибель Марины Цветаевой»*

Да, воссиянием и светом
Наполнен каждый день и час,
Когда готовим мы обеда,
На утлой кухне суетясь.

Не каждый отрок будет князь,
Не каждый присягнет обетам,
Не всяк дотронется секрета,
Одушевлением светясь...

Лишь тот творит из быта миф,
Кто трудится душою страстно,
Чье сердце обожгут контрасты,
Печалью чуда обагрив...

Посредственность пустынна духом,
Она жужжит, подобно мухам...

Там же

*Отец — в августе 1943 года
Северо-Западный фронт
(непроизнесенная молитва)*

* * *

Написаны письма, приветы
И фото отосланы в дом,
Замечены смерти приметы
Во всем окруженьи. Во всем.

В болотистой жиже с чертями,
В окопе, оплывшем от мин,
И в том, что провален экзамен
На право почтенных седин...

Промотаны юность и зрелость,
Противиться больше нет сил —
Осталась последняя смелость
На отдых среди братских могил...

О! Господи, слабым дыханьем
Меня унеси на Урал,
Чтоб сын запоздалым зеваньем
Со мною — живым — засыпал..
16.03.2005 г.

СЫН

(спустя 63 года)

Наивным поколением рожден
И простодушно доверяя миру
При покровительстве безмужних жен
Настроил я доверчивую лиру...

Но жертвоприношение Кумиру
Потребовал житейский легион,
И я, невольно возлюбив сатиру,
На рок сменял изящный котильон..

Был долог путь меж Сцилой и Харибдой,
Каким не плавал даже Одиссей,
Но я проплыл меж правдою и кривдой
В стране своей не стал я фарисей..

Наивность сохраняя и твердость веры,
Не стал в век изуверов лицемером..
17.03. 2005 г.

* * *

В России — если битва — то молитва
А также — на слепых людей ловитва,
Пригодна также для убийства бритва —
И все идет в одном единстве ритма.

* * *

Зачем на свете звери — птицы?
Чтоб Человек сумел родиться,
Свои компьютеры включить,
Себя Творцом провозгласить?

Зачем на свете звери — птицы:
Чтоб Человеку возгордиться,
Поубивать всех на Земле
Пируя власть навеселе?..

Зачем на свете птицы — звери..
Чтоб Человек, в себя поверя,
Себе изладил двойника,
Губя себя наверняка?...

Затем на свете звери — птицы,
Чтоб Человек сумел смириться,
Заботясь о своей земле,
Где он — собрат в одной семье..
05.04.2005 г.

* * *

Ее величество Ворона
 На ней незримая корона,
 Она — владычица всех свалок,
 Она — нахалка из нахалок...

* * *

Птицы созданы для деревьев,
 А деревья выросли для птиц,
 На деревьях весной — свистели
 И веселые стаи синиц...

БАЛЛАДА О СНЕГЕ ВЕСНОЙ

Снег на крыше весной превратился
 В замечательно-искристый лёд
 И с карниза под свист устремился
 В разноцветный под солнцем полет

Он летел фиолетово-желтым,
 Постепенно в пути зеленел,
 А когда разлетелся в осколки —
 То от горя почти почернел..

Но его распинали мальчишки —
 Он ожил, становясь хрусталем,
 Об асфальт ударяясь в припрыжку,
 Заблестел, будто стал янтарем..

А под вечер на раннем апреле,
 Невидимкой почти становясь,
 Он истек синеватой капелью
 И, застыл, подмороженный, в грязь..

Но не кончилось это — с морозцем,
 С дуновением ветра в ночи,
 Превратился он в броненосца,
 Что ломает суставы ключиц..

И, дождавшись хмельного бродяги.
 Так его он к себе приложил,
 Что дойти до больницы бедняге
 Не осталось ни воли, ни сил..

Лёд хихикал, пока трепыхался,
Носом ткнувшись, пенсионер,
И жалел, что ему не достался
Хоть какой-нибудь миллионер..

05.04.2005 г.

* * *

В пургу в апреле на Урале —
И замечали вы едва ли —
Когда на бешеном ветру
Как тяжко птичьему перу...

Относит ветром галку-птицу
И трудно к дому возвратиться,
И стая в ужасе кричит
И где попало сесть спешит..

Тогда огромные деревья
Окажут стае всей доверье:
В затишьи каменных домов
Ночлег для стаи, словно кров..
Вот тысячи чернущих галок
Облепят ветви все устало
И просыпаются жильцы:
Кто там кричит, как наглецы..

Кто наш посмел покой нарушить..
В испуге выглянут наружу —
В ветвях чернее саранчи
В пургу истошный хор кричит..

А я скажу — все это души
Забвение пришли нарушить!
То наши деды и отцы
Живые, а не мертвецы..

5 АПРЕЛЯ!

Сегодня вышел первый том
Собрания сочинений —
И стало ясно мне лишь в том,
Что вовсе я не гений...

Зато свободно и легко
Мне дышится в апреле,
Поскольку небо высоко
И звонок гул капли.

Наверно, это лучший день
Моей нескладной жизни,
В которой были дребедень
И много уккоризны...

Но вот ласкают облака
Мою больную душу...
Легка у Господа рука,
Чьи тайны не нарушу.

Не свыше ли я получил
Внезапно откровенье
Не тратить с глупым уйму сил
И сохранить терпенье.

Прощать льстецам и подлецам,
Внимать с почтеньем к старцам,
И не терять нигде лица
Пред желчью и коварством...

Основы истины просты:
Собой остаться трудно,
И лишь касанье красоты
Преображает чудно...

Нигде, ни в чем изменяй
Пригодную основу,
И святость жизни понимай,
Как поклоненье слову.

Будь как ребенок и мудрец —
Во всем неприхотливым,
И даст Господь тебе конец
Поистине счастливый...

05.04.2005 г.

*после прогулки по лесу
в яркий теплый день с собакой
и мыслями поистине евангельскими...*

ИЗ МОСКОВСКОГО ЗАЛА МУЗЫКИ

*Гайдн. Концерт для виолы с оркестром.
Исп. «Виртуозы Москвы»
под упр. Владимира Спивакова
Солист: Миша Майский*

В плавной линии мира трагедий
Как всегда одинок Человек —
Эволюции горький наследник,
Обреченный на выпренный бег..

Вижу, вижу, как слуги во фраках
В контрадансе по сцене идут,
Как часы в чередѣ зодиака,
Что-то черное в блюдах несут..

Убыстряясь, потом замирая,
Переходят на менуэт,
Балансируя плавно у края
Но скрывая под черным секрет..

И когда прекращаются ноты
И восторгом расколется зал,
Только я под покровом черноты
Череп свой под платком увидал..

* * *

*Чайковский. Ноктюрн.
Они же*

На низкой ноте взрезав филигранью
Отчетливо чудесные черты —
Солист придад прошедшему страданью
Величие небесной красоты..

* * *

к/ф «Мак-Грегор»

Ну вот — ты и понял, когда твой конец
 На улицах этого Города:
 Гашетку нажмет наркоманный юнец,
 Чьи пальцы сжимаются молодо...

Не важно — ты прав иль во всем виноват,
 А важно — мешал ты кому-нибудь..
 Оглянешься только в испуге назад,
 Желав поменяться бы судьбами..

Но улицы будут привычно глухи,
 А люди обыденным заняты,
 И вспомнишь — останутся если стихи —
 То сдал перед Богом экзамен ты.
 22.04.2005 г.

ПАМЯТИ РУДОЛЬФА ЧАПЦОВА

(цикл)

1.

Нет больше друга у меня,
 Пойми — нет больше друга..
 И пусть бесчисленна родня
 И здравствует супруга.

Но тот, кто мог тебя понять
 В черте мужского круга,
 Сказав, где ложь и суетня,
 А где — томленье духа..

Того унес к себе Господь
 В объятьях энтропии,
 Поскольку слабнет наша плоть
 Во времена глухие..

И я остался одинок
 Лишь кровь, как пуля, бьет в висок..
 26.04.2005 г.

12.00 — известие получено

2. Баллада о сломленной ветви

В исходе апреля, как зелень
 Пробьется сквозь сухостой,
 И в трещинах — струнах расселин —
 Снег вытравит дочиста зной,

Какое блаженство увидеть
 Набухшую, в почках, сирень,
 Которую славил Овидий,
 В жару полюбя ее тень..

Но, тени пока не имея,
 Деревья напряжены,
 Как мышцы того Прометея
 К приходу священной весны..

Береза пустила сережки,
 А тополь — гектар шелухи,
 У клена — сороконожки —
 Цветы, и цветы у ольхи..

И только в обломанной ветке,
 Висящей на свежей коре,
 Подвижек весны незаметно
 К пасхальной священной поре..

Одна, среди птичьего гама,
 Под щелканье легкой лузги,
 Висит эта ветка упрямо
 Немым воплощеньем тоски..

Могучая яблони ветка,
 Плоды приносившая мне,
 Цветами встречавшая лето —
 Твой облик печален вдвойне..

Я помню тех яблочек кислинку,
 Я чувствую их аромат,

На коже — любую щербинку
 И запах, заполнивший сад..

А нынче.. Да мало ли веток
 Калечит лихая зима..
 Но этой.. особенно.. этой
 Так жалко, что сходишь с ума..

С нее ли упали на ложе
 Далекой весны лепестки..
 С адамовым яблоком схожи —
 Плоды были так нам близки..

И внук, полюбя ее крепость,
 По ней пролезал, не спеша,
 И все же свалился нелепо,
 И долго ревел, чуть дыша..

Спилить я ее не решался
 А вот — и погибла она..
 Как с другом родным я расстался —
 И больно глазам до темна..

26.04.2005 г.

3.

Не сразу понимаешь очевидность
 Ухода безвозвратного Того,
 Кто, презирал ханжество и скрытность,
 Любовью одарял своих врагов..

Распахнутый и совестливый к людям,
 Он не таил горения души.

Не претендуя в моралисты — судьи,
Он обожал одно искусство — жизнь..

Рожденный на Урале в годы смуты,
Он безотказность Кодексом считал
И приближая для России утро,
Он Разум выше Бога почитал..

27.04.2005 г.

20.00

4.

Веселый умер Человек,
Не бывший часу в тягость,
Он прожил свой прекрасный век
С волшебною отвагой..

Он был романтик и мудрец,
Учитель и философ,
И в семьдесят он был юнец
В наивности вопросов.

Его кристальная душа
Светилась ярким светом,
И легким был и взор, и шаг —
Во всем он был поэтом.

Он зрил сокрытый смысл эпох
И Разума значенье,
И для друзей он был, как Бог,
Но только дерзновенней..

И, как бы не была у нас
Вся в рытвинах дорога —
Житейской стойкости запас
Он подарил надолго..

27.04.2005 г.

19.30

5.

Очаровательный жуир —
Потомок Казановы,
Знаток эпистол и сатир,
Восторгом коронован..

Он был и лирик, и гусар,
И мастер комплиментов,
А иногда он был корсар —
Весь в блеске позументов..

Он всем дарил себя легко
И тонко — грациозно,
А горечь прятал глубоко
И не претенциозно..

И высшей радостью была
Его сердечность мысли,
И столько было в ней тепла —
И ни на грамм — корысти..

27.04.2005 г.

21.00

6.

Нет звания — гвардии интеллигент..
 Штабам — не придумать такого..
 Он был ненадежный для них элемент,
 Поскольку Число знал и Слово..

Он мыслил о жизни легко и сурово,
 Поскольку Природы был тайный агент,
 В которой подсчитан злодейства процент
 И светлая роль мудреца — острослова..

Он видел идущий устройства распад,
 Знал участь подвижников света,
 И все ж он не сделал ни шагу назад
 Под свист клеветы и наветов..

Высокую миссию русских умов
 Он выше вознес всех гвардейских штабов..
 27.04.2005 г.
 23.50

7.

Стеснительность — перед бесстыдством —
 Вот наш потомственный порок,
 Черта, которую стыдится
 Никто из русских бы не смог..

Ее нам дал всеильный бог,
 Чтоб было после чем казниться,
 Поскольку отродясь не рыцарь
 Ни я, ни милый мой сынок..

За то России и расплата;
 Бесстыдность лезет на престол,
 Плюя на вялого собрата,
 Творя свой наглый произвол..

Но мы по прежнему стыдимся,
 И в демократы не годимся..

28.04.2005 г.

День похорон Р.П. Чапцова!

8.

Памяти Рудольфа Чапцова

Никто не может заменить
 Такого Человека — Бога!
 Прервется непременно нить,
 Упрется в оползень дорога..

А надо бы — всего немного:
 Ему еще до ста дожить, —
 Ведь у России дела много..
 И огневые рубежи..

Но любит с завистью Господь
 Людей особенно — крылатых,
 Они идут ему в расплату
 За молодого буйства плоть..

И сиротеет с болью Русь,
 Судьбу которой зрить боюсь..
 03.05.2005 г.

* * *

Как хрупки ветви ивы в мае:
Они ломаются легко,
Как только ветер поднимает
Волнение сизых облаков..

Еще зима недалеко,
И ива это понимает,
И торопливо распускает
Сережек желтых молоко..

И вот лежит цветущий хворост
Вокруг подножья старых ив,
И топчут люди их на совесть,
Как глупой юности позыв..

И только позже, к удивлению,
Лоза сподобиться к плетению..
03.05.2005 г.

КРЫЛАТКИ КЛЕНОВ

Милльонами сухих крылаток
От кленов вся усеяна земля,
Как будто это — души тех солдат
Из той войны пришли опять не зря..

Вновь — май победный, и опять заря
От майского салютного раската,
А эти души заживо распяты
Растоптаны войне благодаря..

Из них не вырастут другие клены,
Из них лесов теперь уже не жди,
Для них теперь командой похоронной
Являются весенние дожди..
И в эпопее Мира передела
Недаром Родина сынами оскудела..
04.05.2005 г.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ 9 МАЯ 2005 Г.

(баллада)

День Победы, день Победы,
Ты ответь сегодня мне —
Зря ль трудились наши деды
На отчаянной войне...

Зря ли эти муки были
В Сталинграде, под Орлом,
Если эти сказки — были
Все теперь пошли на слом...

Вся Россия, как пустыня,
Олигархи лезут вверх,
Чести — славы нет в помине —
Только пышный фейерверк...

Разоренные деревни
От Москвы и на восток
Отмечают смуты древней
И начало и исток...

Дети бродят, как сироты,
Ветераны пьют в запой,
Государственны щедроты
Лихоимство жнет рукой...

Деда Это ожидали — ?
Равноправны блуд и честь,
Даже купленных медалей
По стране не перечеть.

А бывые саттелиты
Всю Россию на куски
По продажности элиты
Рвут из герба колоски...

И во всем народа убыль,
Колебание умов,
Лишь облизывает губы
Зарубежный острослов...

День Победы, день Победы —
Ведь недаром ты у нас:
Знаешь ты, какие беды
Нёс нам Киев и Кавказ...

Как на краешке у Волги
Насмерть бился лучший люд,
Чтоб войны кроваво — долгой
Воспоследствовал салют...

Были, видимо, недаром
Отрезвляюще — точны
В самолюбие удары
Вражьей танковой войны...

Чтобы ярость и наука,
Крепость мысли и расчет
Стали русским сплавом духа,
Дав отчаянью оплот...

Нет страны подобной в мире,
Что сумела повернуть

Не в игрушечной сатире —
А на деле трудный путь..

От отчаянья — к упорству,
От уныния — к рывку,
Размотать обратно версты
Те, что отданы врагу...

И сегодня, День Победы,
Вразуми и научи,
Как, войне великой следом,
Обрести в веках ключи...

Путь осмысля русской муки,
Дедов праведных погост —
Где сегодня смысл науки
И сиянье наших звёзд...

Века тяжкие уроки
Ведь даны не даром нам —
Все короче думы сроки
Со слезами пополам...

Отвечает День Победы:
Помнишь резкий перелом
Той войны, где были беды
С унижением притом...

Той войны, где комиссары
В зубы били и в висок,
Утвердя порядок старый —
Коммунист всегда жесток.

Тот порядок нас до Волги
Потому довел тогда,
Что расправы путь недолгий;
«Я — начальник, ты — балда...»

Но на Волжской переправе,
Где потерь не перечесть
Потому начало Славы,
Что возникло слово: «Честь!»

Обретение погонов
Офицерства и солдат —
Это таинство закона,
Как века тому назад.

В обстановке суетловья
Бесконечных русских смут
Образ ратного сословья
Встал, как древле, снова тут..

Офицер судил сурово,
Но и шёл под трибунал,
Коль суворовское слово
Он превратно понимал.

За бои — один в ответе,
Одному — и суд и честь..
Потому солдат стал светел,
Встал он выше слова «Мечь».

И достоинство ответно
Обратилось в подвиг тех,

Кто трудился незаметно
Не в награду, а в успех..

Прекратился путь разврата —
Жирования в тылу...
Честь комбата стала свята,
Честь — как знамя на ветру...

Этой Честью жили предки,
И она воскресла вновь,
Превзойдя приказ советский
Чувством: к родине — любовь.

Не равняй ежа с гадюкой,
Не суди, что все равны:
Это губительно для внуков
И для всей судьбы страны.

Люди разные в природе.
Честь и мужество — редки.
И в неволе и в свободе
Знали честь фронтовики.

Потому — переломили
Ход отчаянной войны,
А теперь они — в могиле —
Наши лучшие сыны.

Но уроки той Победы —
От суворовских времен,
И идут за ними следом
Трепетание знамен.

А без Чести — нет России...
Есть продажная страна,
Ждут которую лихие
И крутые времена.

Сам суди — и, кто с тобою,
Вникни в прошлое Руси,
Только с просьбою одною:
Глупых думать не проси...

*9 мая 2005 г. 8.00—10.00
в с. Варламово
в древнем замке купеческого сословия...*

УФАЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ

«Хозяева смерти»
из Генриха Белля

Они — распорядители ухода
Они — хозяева и смерти, и судьбы,
У них в руках — неволя и свобода,
Они обреют нам тупые лбы
Ну, а потом — подарят нам гробы
Во имя процветания народа,
А наши матери, старея год от года,
Букетик незабудок голубых
В стакан поставят недопитой водки,
Когда по радио объявят о войне
И будут лгать о героизме сводки
В предутренней рассветной тишине..
Мы — не хозяева земли и даже жизни,
Мы родились гостями в своей Отчизне..

10.05.2005 г. 9.30

Поезд в В. Уфалей

МАТЬ — ЛИЯ. АДЕЛЬ И АРКАДИЙ — ДЕТИ ЕЁ

Очарование детей
Как будто в Западной Европе..
Возня прелестных их затей
И беготня затем в галопе.

Головки яркие цветов
Им открывается в полянах,
И мальчик — зоркий острослов —
С сестрой соперничает рьяно..

Как будто вправду мир хорош
Весенним запахом от леса,
И мальчик — ласковый Гаврош —
Так улыбается чудесно..

Там же. 10.30

ПЕЙЗАЖИ

Медуницы и подснежники
 На полянах между скал,
 У берез — листочки нежные,
 У озер — сплошной овал.
 Вот Озерск, и чернотал,
 Чернолесья сны крошечные,
 Заливают пересмешники
 В мае песнями Урал...

Русь глубинная, весенняя,
 Лица юные вокруг,
 И такое настроение —
 Край знакомых и подруг...

Не теряй восторга, юноша,
 О земле своей подумавши..
Поезд, там же 11.00

УФАЛЕЙСКИЙ СОНЕТ

А в Уфалее вместо воробьев —
 Малиновки потренькивают плавно,
 И девушки там выглядят исправно,
 Малиновый румянец их здоров..

И здесь не надо вовсе докторов —
 Так их характер виден своенравный:
 Они веками в семьях равноправны,
 А норов их сокрытен и суров.

О! Женщины России — ваш удел
 Вытаскивать страну из потрясений,
 Мужских экспериментов беспредел
 Вы нижите на нить своих мучений.

И только лишь в провинции поймешь,
 Что стоит всех политиканов ложь..
 10.05.2005 г. 13.30

*Гостиница, после собеседования
 со студентками-заочницами..*

МЫ ВСЕГДА ПРАВЫ ИЛИ БАЛЛАДА О СПЛОЧЕННОСТИ

Мы правы, правы, правы,
Мы так достойны славы
А вы — творцы отравы,
Постыдны ваши нравы..
Хотя, бывает, слишком,
И есть у нас излишки,
Бывают — исключения,
Бывают — извращения.

Порой и есть мерзавцы,
Конечно, святотатцы,
Достойные возмездья,
От них и все болезни.

Мздоимство, казнокрадство,
Неправое богатство,
Но мы-то не такие,
Хотя и не благие.

Да, миримся — во имя
Остаться им своими,
Хотя, признаться, видим
И молча ненавидим.

Признаться — сил нехватка
Дать всем им по сопаткам..
Они, конечно, бляди,
Хоть с ними мы и ладим.

А — вдуматься — говно мы,
Что с ними мы знакомы,
Что молча это носим,
Да нас о том не спросят..

Признаться, мы бессильны
Пред подлостью насилия,
Признаться — мы и трусы,
И подлы наши вкусы.

И, в общем, мы скотины,
Но, в целом, мы едины,
И потому — мы правы
Во имя общей славы.

Во имя чести края —
Страна у нас большая
И где-то есть иначе,
И там честней задачи.

И выше идеалы,
И подлости там мало..
Ну, а у нас — такое,
Житейское, простое.

Сидит вверху мерзавец,
А мы, их не касаясь,
В своем терпении правы
Во имя общей славы...

10.05.2005 г.

Вечер в гостинице, 21.40

ОТЕЦ И МАТЬ В АРХАНГЕЛЬСКЕ

примерно 35 год
(рассказ мамы)

Она не говорила о деньгах,
Во всяком случае — я этого не помню,
Хотя всегда мы жили очень скромно
И часто в доме поселялся страх..

Она рассказывала мне о временах,
Когда, в Архангельске, в квартире из двух комнат
В компании из сосланных достойных
Они романсы слушали в стихах..

Там были они молоды с отцом
И беззаботно хохотали громко..
Никто не оказался подлецом,
Хоть были времена одних подонков..

Я долго долго помнил тот рассказ.
Потом забыл. И вспомнил лишь сейчас..

10.05.2005 г. 22.00

(читая Г. Бёлла «Дом без хозяина»)

ПОПЫТКА САМОАНАЛИЗА

Отец погиб. И мать — давно в могиле..
Но оба, рядом, возникают ночью,
Я бесконечно этим озабочен,
Противиться такому я бессилён,

Мне стыдно и томительно пред ними,
Как будто я преступно виноват
За безмятежность дней и за гордыню,
И за стезю, что выбрал наугад..

Я понимаю: каждый день оплачен
Их мудростью, любовью и теплом..
А я? Кому-то, что-либо я значу?
Я даже с риском жизни не знаком..

Я прожил жизнь бездумно — торопливо,
Ловчил и уступал дорогу злу,
И, если что-то у меня счастливо —
За это им пришлось сносить хулу..

Любое счастье редко, как алмазы,
Добытые не нами и — увы —
Оно — лишь воплощение фантазий
Неистово влюбленных, что не мы..

То наши предки на пределе муки
Все вынесли, ладонями прикрыв
Огонь нашей жизни.. Ну, а наши внуки
На что обречены среди нажив..

11.05.2005 г. Гостиница, вечер после лекции

ПИСЬМА ОТЦА

Не в силах мне теперь восстановить
Какие письма мать отцу писала,
Когда его посланье получала,
В которых — нескончаемая нить

Отчаянья, уныния и скорби,
Стремления пожертвовать собой,
И только лишь в подтексте скрыта гордость,
Что он — Поэт с особенной судьбой...

Советы — про козу, про воспитанье,
Про медленность отбора на талант,
И снова, между строк, почти рыдания,
Что обречен он сам, пусть не гигант...

Но вдумчивый и слабый современник
Эпохи, где бесстыдство правит бал..
Он в письмах был эпохи этой пленник,
И за меня в огне войны пропал..

11.05.2005 г. 22.30

Гостиница

ВСТРЕЧА С РОВЕСНИКОМ...

Как хорошо жить в собственной стране,
Переезжать на поездах случайных,
Семей прекрасных наблюдая тайны,
Себя — детьми чужими восхищать..

Как хорошо искать судьбы печать
У современников в местах крайних,
И мыслей совпадения замечать,
Делиться наблюдениями печально..

Вот человек — ровесник по судьбе,
Такой же озабоченный Россией,
Уже седой, и все-таки красивый,
Так искренне он говорит тебе

Что совпадения мыслей обжигают,
Костер как будто сердце согревает..

23.00

*беседа с Владимиром Ивановичем
Смирновым за полночь..*

СЕРГЕЮ РАСКИНУ

Юный банковский работник
Только тридцать с небольшим —
Коренастый, крепкий, плотный,
Покоритель всех машин...

Зарабатывает дельно
И стремителен во всем,
Лекции читает сдельно
И общителен притом.

Точно говорит о мозге,
О превратностях страны,
Полон планов грандиозных,
Что и мне — то не видны.

Вот та юная Россия,
Что хотел увидеть я
И разумной, и красивой
Безо всякого вранья...

12.05.2005 г.

*Он привез меня в Челябинск
из В. Уфалея за 1 час 30 мин.*

СОЛОВЬИ И ЛЯГУШКИ

Соловьи не поют при лягушках,
Под лягушачий гвалт — не поют,
То ли им неудобно, то ль скучно,
Умолкает их певческий зуд...

Соловьи запевают в деревне
Только под вечер, в тишине,
И на самых высоких деревьях,
Они еле видны в вышине.

Солнце клониться к горизонту,
Не шелохнется трепетный лист,
Лишь тогда преисполнен резонансом
Этот крошечный серый артист.

Он свистит, контролируя ноты,
Умолкает, чуть я зашумлю,
Он не любит людские работы,
Я, ему подчиняясь, внемлю...

А когда начинают лягушки
Свой вульгарный вечерний концерт —
Соловей замолчит равнодушно
И его чрез мгновение нет...

13.05.2005 г.

с. Варламово

СОБРАТЬЯ (ЛИ?)

Мои шипящие собратья —
Шекспир и Шиллер, и Шишков —
Владыки духа первой стати,
Властители крылатых слов...

Вы — потрясатели основ,
Враги любых аристократий,
В вас — высшие дары богов,
Проявленных отнюдь некстати..
Шипящий и свистящий звук
Во всех краях, у всех народов —
Основа дерзностных наук,
Лишенных спеси благородной...

И я себя сравнение льшу,
В фамилии ища пращу..
14.05.2005 г.
Город

В МАНЕРЕ СТАРИННОГО ВАЛЬСА

Черемуховый куст
Расцвел в старинном парке,
А рядом расцвела
Лиловая сирень..
И запах твоих уст,
Взволнованный и жаркий,
Услышал я опять,
Увидел твою тень..
И снова соловей,
В тени густой скрываясь,
Запел святой романс
О преданной любви,
О том, что ты одна
Из всех земных красавиц
Мне вечно дорога,
Огнем горя в крови..
Черемуховый куст
Так быстро облетает,
Обломана рукой
Поспешною сирень,
Но запах твоих уст
С годами не растает:
Со мною ты всегда,
Влюблен я каждый день..
20.05.2005 г.
В парке прогулки с Милой..

ГОЛУБИНАЯ СИМФОНИЯ

Стоит с утра истошный трубный глас
 В рассветной тишине зари багряной —
 То голуби-самцы слагают враз
 Истомный гимн любви — святой и рьяной.

Чердак старинный, древний, деревянный,
 Звучит, как оркестровый контрабас,
 Когда на ноте страстной Фортенбрас
 Заходится в восторге, окаянный...

А в паузах, когда он полнит грудь
 Кристальным воздухом, настоенным на травах —
 Голубки доворковывают суть
 Крылатой и отчаянной отравы...

Так клокотаньем страсти полон мир,
 Лишь позже воплощаясь в рокот лир...
 28.05.2005 г.
 с. Варламово

* * *

Сентиментальная эпоха
 Опять стояла на дворе
 Под мерный рост чертополоха
 И древоточцев скрип в коре...

Лежала скрипка на одре
 Из старых писем кабысдоха,
 И всё бы строилось не плохо,
 Когда б не искренность в ведре..

Искрилось старое ведро
 Водой хрустального рассвета,
 И было стыдно мне при этом
 Вообще упоминать добро..
 Казалось — все иное — все,
 Когда Такое мир рисует..

28.05.2005 г.
 Первая суббота в Варламово
 за полгода с января!

* * *

Воркование и трели.
 Голуби и соловьи.
 Что вы, братцы, ошалели
 На рассвете от любви.
 Лают бешено собаки.
 Скот мычит, а вы — свое:
 Воркование, атаки,
 Серенадное старье..
 Но — не слушают резонов —
 Стонут, щелкают, поют,
 Бьют крылами в пик сезона
 И бессмысленно снуют..

29.05.2005 г. 6.30 утра

Рассвет в Варламово

НА РАЗВАЛИНАХ ИМПЕРИИ

На развалинах Империи
 Городов и деревень
 Вижу старые мистерии
 Предков праведную тень..

Вижу профили дворянские
 С картузами в сюртуках,
 Вижу кружева фламандские
 Уходящие во прах.

Вижу косы шелковистые,
 Сарафанное шитье,
 Не дано которым выстоять
 Под истошное вытье..

Вот настало разорение —
 Затрещал проклятый мир,
 И закончилось терпение,
 Лопухи ползут из дыр.
 В ссылках вымерзли лабазники,
 Сгнили крыши кабаков,
 Седовласые проказники
 Сникли в кельях Соловков.

И кирпичные развалины
 Отмечают на века
 Те места, где пировали мы
 В сени русского штыка..

29.05.2005 г.

СЛУГИ ЗЕМЛИ

(цикл)

1.

Мы — слуги земли! Не случайно
Наш Разум когда-то возрос,
И в этом — сокрытая тайна
Труда, и мучений, и слез...

Зачем мы живем — не вопрос...
Пусть даже планета — окраина
И смерть индивида печальна —
Но Разум стремится до звезд...

И первых шагов в бесконечность
Добился не зря Человек:
Вселенной желанная вечность
— Его лишь начальный разбег.

Мы созданы мощной Природой
Совсем не для личной свободы.

2.

Отнюдь не для личной свободы
Параметры звезд и часов,
И голос державинской оды,
И смысл атомарных весов.

Недаром — и зелень лесов
Стремится в зенит к небосводу
И стройно колеблются воды
В магнитах земных полюсов.

Гармония нашей планеты —
Вселенской гармонии суть,
И медленно Разум секретов
Способен понять полосу.

Он понял — недаром двоичны
Живое и смерть — симметричны...

3.

Живое и смерть — симметричны..
Ничтожно живое зерно,
Но в тысячи раз энергичней
Угрюмого камня оно.

Недаром Природой дано
Наследственных игр мозаичность —
Пусть крошится камень отличный,
Но стеблем возрастает зерно.
Из хаоса строгий порядок
Живое лишь может создать,
И поем мы лежбище грядок,
Дома созидаем подстать.

Мы родственны листьям и стеблям,
Наследуя данную Землю...

4.

Наследуя данную Землю,
Где мыслит один Человек,
Мы тяжкую ношу приемлем —
Вселенной дать мощный разбег.

Мы выжили в холод и в снег,
Не раз был наш род поколеблен,
Но против течения гребля —
Но общий ли труд наш навек

И мы изживаем насилье,
Наследуя зову Христа,
И в космос могучие крылья
Дано нам обрести неспроста.

Вселенная взрыва большого
Спасенья не знает иного...

5.

Спасенья не знают иного
Созвездие гиблых планет,
Как Разума дело и слово
В грядущей текучести лет.

Погаснет и Солнце, и Свет
Без нашего дела людского,
Ведь Разум — Вселенной основа,
И тайна ее, и секрет...

Достойны ли мы сей Фортуны —
Слаба в том догадка пока,
Но ход человеческой думы
Созреет наверняка...

Недаром. Недаром. Недаром.
Живем мы на шарике старом.

28—29.05.2005 г.

с. Варламово

*Чудесный день и космические ветры,
перепуганные тополя
и ясные близкие звезды!.. (ночью)*

ЗАЛОЖНИКИ ПРОШЛОГО (баллада)

И. А. Баяву

В чреде времен, насыщенных угрозой,
В событиях минувших катастроф,
Где были и трагедии, и слезы,
Сказать которых не хватает слов,

Когда предателем объявлен каждый третий
И вырублена нация почти —
Нельзя закономерность не заменить,
Как жаждали возмездья палачи...
Они и в детях разожгли сомненье:
Отцы — враги народа или нет...
И это черно-белое мышление
Для нас и ныне затмевает свет.

И ныне внукам старцы с орденами
Внушают победителей секрет:
«Одно-единое святое знамя
В руках у нас. Других оттенков нет.
Стояли насмерть мы, — твердят лукаво,
В жестокосердии ожесточась, —
Пусть учит Вас одна лишь наша Слава,
Возмездием через века лучась!..»

Они о лагерях не вспоминают,
Они ни с кем мириться не хотят,
Они всегда командуют над нами
Как-будто пионерский мы отряд..

Но время обогнало их безмерно,
Хотя не меньше лживости и в нем,
Хотя оно, как раньше, лицемерно,
А друг и нынче может стать врагом.

Но — в обличьи прошлых доказательств
Так жаждет доброты усталый мир,
Что жесткое клеймо одних предательств —
Как знамя, что простреляно до дыр..

Так знамя ли оно, иль это просто тряпка —
Иль, никому не доверяя впредь,
Опять навяжем внукам те порядки:
Шаг в сторону обозначает смерть!?

Стыдитесь же, минувшие герои,
Заложники минувших катастроф:
Пусть внуки — правнуки грядущее построят
Не из одних непримиримых строф.

Пусть опасенья Ваши и резонны —
Россия уязвимей с каждым днем,
Но даже осенью, в конце сезона,
Мы о весне не знаем, хоть поем..

Да, бдительность... Да, вечная опаска.
Настолько Государство велико,
Что никакая выспренная сказка
Нам не откроет дверь его веков.

Но ширится палитра интеллекта
У наших внуков, воплям вопреки,

И будущее — не асфальт проспекта,
В нем — не одни вожди — большевики..

А мне Учителями были даже
Вам ненавистные изгои тех времен,
Которых Вы в своем ажиотаже
Предателями звали у знамен.

Моя учителя узнали пытки,
И все же, сердцем не ожесточась,
Не в раковинах жили, как улитки,
А добротой светились каждый час..

Они Отчизне посвятили жизни
И похоронены, как мученики вер,
И больше принесли даров Отчизне,
Чем в орденах и званьях лицемер.

Я не предаю предательством клейменных.
Не отрекись от слабых в их беде,
А вам, знаменами всеславно озаренным,
Советую пошире в мир глядеть..

30.05.2005 г.

*После дискуссии опять о предателях
и святости национальной идеи.. Увы*

* * *

Да, сорок лет я знаю это тело —
Упрямое, красивое, как сон..
Душа бы без него осиротела,
Да, сорок лет я помню этот стон..

Когда я был пленен и покорен
Тем, что послушаться ты захотела,
Предания и предрассудки смело
Оставив предкам пуганных времен..

Мы вместе одолели мрак столетий,
И ханжество, и разницу родов,
Свернувшуюся гидру низких сплетен
И сквернословие разгневанных богов..

Да, я припал и к чреслам и на лоно —
С тех пор ему я предан неуклонно..

* * *

Как родину любить мне не постыдно,
Хотя она — не чести образец —
Так и тебя я выбрал дальновидно,
Хоть ты — ошибка в участи сердец..

Вам преданным быть может лишь глупец,
Конца поскольку глупостям не видно,
Быть верным столь наивно — мне обидно,
За что ж я обездолен, наконец..

Но, по закону всех противоречий,
Я нахожу в твоём упрямстве соль,
А Родина — увы — не безупречна,
Но даже в ней узнал её пароль:

Чем своенравней Вы — тем больше тяга,
И даже в слабом зиждется отвага..

РАССВЕТ

Золото раннего солнца,
Как воплощенье добра,
Бьет в распашное оконце
В отсветах серебра..

То урожая пора.
Мир иногда улыбнется
Флагом небесным японца,
Выданного на гора..

Чистым, волнующим звуком
Воздух и пар напоен —
Это рожденья наука
Древних могучих времен..

Дождь, что прошел этой ночью —
Девы приход непорочной..

13.06.2005 г. 6.30 утра
с. Вараламово

В ЖАРУ

Непостижимым образом прохлады
В старинном доме сохраняет вкус,
Как зелена таинственного сада,
Назвать который поостерегусь...

И так непрочен в мире мой союз..
А вдруг возьмет Всевышнего досада,
Что я обрел чертоги вертограда,
А не убежище для шаловливых муз...

А ведь в жару то благолепье дома,
В котором обитаю в летний зной,
Почти моим погодкам незнакомо,
Как древний памятник убогости земной...

А сколь бесценен предков наших опыт
Перед всесилием засилия Европы..
20.06.2005 г.
с. Варламово

В УСАДЬБЕ

Как хорошо смотреть с балкона
С навесом, крытым от дождя,
На низкий сумрак небосклона,
Где тучи молнией гудят...

И, в воздух пряный уходя,
Цветы так пахнут упоенно,
Что хорошо тебе до стона,
И рифмы душу бережат...

Фронтоном высится усадьба,
Над прудом — лестница из плит,
Мерещится чужая свадьба,
И медленно свеча горит...

Спустя века гроза июня
Напомнит мне чужую юность..
20.06.2005 г.
с. Варламово

ДВА ВНУКА

И снова мальчики шалят
Под солнцем родины чудесной,
Горяч и пристален их взгляд, —
Цивилизации ровесник...

Они — мои и не мои —
Всемирности прекрасной дети,
Семьи беспутной воробьи,
Беспечной в радости на свете.

Они собой удивлены,
Своим умом и красотой,
И глупостью своей страны,
Ее и летом, и зимою.

Им столько вынести дано..
И пусть пока они беспечны —
Со мною вместе заодно
За ними наблюдает... вечность...

22.06.2005 г.

*с. Варламово
Вадик и Женя впервые вместе
четыре дня в деревне...*

*24 июня — умерла Наташа Захарченко —
сестра Милы... В 16.00 дня*

РЕКВИЕМ — ПРИЧИТАНИЙ

1.

Единственная женщина, которой
Я был не в силах в жизни описать,
Не потому, что не любил повторы,
А потому что в ней — особенная статья...

В ней все мою напоминало мать —
Гармония без доли перебора:
Так вдруг Богиню видишь среди хора,
А средь простушек замечаешь... знать...

Как царственно-уверенна в движениях,
Как с полу-слова схватывала суть,
Как обстоятельно-умна без напряжения,
И как любви способна присягнуть...

В ней было все, что мыслимо в природе,
И то, что чудится загадкой в небосводе..
24.06.2005 г. 22.00

2.

Да, то что чудится загадкою в природе —
У редких женщин искрою внутри
Не перебором карт в одной колоде,
А небывалым пламенем горит...

Что это? Символ звездных Аэлит
Иль принадлежность к неземной породе...

И это свойство медленно уходит
С уходом этих женщин, как зари...

Что было в ней? Невиданная стойкость?
Самозабвенье долга.. Чистота..
Под нож готовность.. Женское героство..
Иль праведности редкой красота..

И все это душевное богатство
И тени не изведало лукавства..

24.06.2005 г. 23.00

3.

И тени не изведало лукавства
Ее стрелой натянутая жизнь,
В которой от студенческого братства
Какой-то отблеск горьких укоризн..

Прозрачность совмещающихся призм
Покажется кому-то святотатством,
Когда, окружены чредою тризн,
С печалью мы рассматриваем сад свой.

Да, в ней прозрачно все — души порывы.
Горячность. И защита чистоты.
И преданность. И дерзость наива.
И бесконечность детской доброты.

Нести свой крест на переломе века —
Не ведал я сильнее человека..

24.06.2005 г. 24.00

4.

Не видел я сильнее человека..
Так только наши матери в войну
Впрягались, словно в древнюю телегу —
В измученную горестью страну.

Они тащили не ее одну
То по грязи, то по сырому снегу, —
Едва добравшись за полночь к ночлегу,
Они мужскую тешили вину...

И ей такая доля откололась
От глыбы общей тяжести годов,
Но не дрожал от напряженья голос,
Как будто ликом Ангела ведом..

Отторгнув правоту лукавой лести,
Она была полна высокой чести..

25.06.2005 г. 1.30

5.

Она была полна высокой чести..
Как женщине такое соблюсти,
Ведь каждый шаг становится известным,
Лишь стоит сор из комнат замести..

В монахини ее произвести
Иль в Суламифь великой «Песни песней»..
Я в этом не мастак и не кудесник,
Я знаю каждый шаг ее пути..

Она любила мудро, бесконечно,
Самозабвенно всю себя даря,
И погибала, улетая в вечность,
И не считала дней календаря..

Жизнь выстроена в бесконечной службе..
Самоотдача — вот ее оружие..
25.06.2005 г. 2.00

6.

Закончен путь.. Осиротели внуки..
Калека — мать. Испуганная дочь.
И мы кружимся, ошалев, как мухи,
Которых время тоже гонит прочь..

Как можно это горе превозмочь.
Кто знает суть сей жизненной науки.
Мы слышим молотка о крышку стуки,
Покорно уходить готовясь в ночь..

Но ты — святой останешься навеки
Не по церковным записям невежд,
А по тому, что нашей жизни вежи
Полны тобой, как шелестом одежд..

Наташа. Ната. Радость бесконечна.
Живи в душе, в воображеньи вечно..
26.06.2005 г. День похорон.

7.

Весь день в июне плакала природа,
Шел дождь, напоминая нам потоп,
Необычайный в это время года,
А мы тебе заказывали гроб..

Среди лесных, набухших влагой троп,
Где сосны — в отраженьях с небосводом,
Ломали лапник, словно два урода,
Рискуя получить сучками в лоб..

И стал венок правительственно-мощен,
Дубовый гроб собой наполнил храм.
А ты лежала тягостней и проще,
Чем латник после боя по утрам..

Ты отдыхала от житейской битвы
Под благовенья ладана с молитвой..
27.06.2005 г.

8.

Под благовенья ладана с молитвой
Тебя отпели двое, но не мы,
К старинным лексиконам непривычны,
Не верящие духам царства тьмы..

Страдали наши ясные умы
Смущеньем абсолютно прагматичным,
Поскольку не умели мы по-птичьи
Клевать зерно житейской кутерьмы..

Мы сомневались в искренности слова,
Идущего из глубины веков,
И в том, что бестелесная основа
Продляет брэнность жалких стариков..

Но мы не сомневались ни мгновенья,
Что ты бессмертна, как стихотворенье..

27.06.2005 г.

Вечер с детьми в парке

БЛАГОДАРНЫЕ СОНЕТЫ МОЕЙ ЛЮБИМОЙ

1.

Благодарю тебя, мой друг,
За роковую неизменность:
Ты превратила повседневность
В устойчиво — достойный круг.

В кругу товарищей — подруг
Узнал с годами лишь я ценность,
Что значит ласковая верность
И преданная нежность рук..

Оглядываясь с грустью вспядь,
Я вижу годы не простые,
В которых — очи голубые,
Волос девическая прядь.

Весь горизонт тобою занят.
Твоими смотрит он глазами.

28.06.2005 г.

Челябинск

2.

Твоими смотрит мир глазами.
Он искушал не раз меня.
То был на преданность экзамен,
Расхожей жизни суетня.

И не было в ней даже дня,
Где искушение — в наказанье,
Где изумление — за дерзанье,
А пепел — следствие огня...

До дна испытан многогрешьем,
Я неизменно побеждал,
И, словно судно — к побережью —
В твои объятия приплывал.

Встречая царственную ласку,
Как оживающую сказку...

3.

Терпенье теплое травы —
Таков закон любви растущей..
Цветенья сладостные куши
Приходят позже к нам, увь..

Глаза в сияньи синевы
И ток, таинственно влекущий —
Все это тайны жизни сущей,
Нить напряженной тетивы...

Самоотдача до конца,
Присущая лишь певчим птицам —
Вот чем наполнены сердца,
Которым повезло влюбиться...

Ты эту тайну мне дала,
И в ней стораю я дотла.

4.

Бесценных прежних дней итог
Осознается постепенно,
Когда обмолвится сынок
Своей удачей дерзновенной.

Иль дочь, переживя измены,
Не уезжает на восток,
А внуки, в кровь разбив колени,
На крыше чистят водосток..

Наследственная чистота
Отнюдь не дарится заране,
На склоне лет нам душу ранят
И слепота и глухота.

И только истинная щедрость
Способна пробудить душевность.

5.

Способны пробудить душевность
Не вольной простоты наив,
А такта скрытая волшебность,
Загадочность, а не порыв..

Души угадывать мотив —
Вот для меня любви потребность,
С тобой пол-века пережив,
Я выковал из воли — верность..

Гордыня — корень всех обид —
Обращена в обряд покорства,

А ты — из Евы став Лилит —
Узнала чары рукотворства.

Так сотворили мы свой миф,
Любовь из бездны сотворив.

6.

Любовь из бездны сотворив,
Как мы аюкались с природой,
Чей нрав и ласков, и игрив,
И соблазняет нас свободой.

Очаровательные воды,
Тела объав и охладив,
Дарили нам аперитив
Весьма сомнительной породы..

Как было близь небытие,
Подобное змеиной пасти,
Но обходили мы напасти,
Свершая таинство свое.

Твоя, кудесница, свирель
В январь спасала, как в апрель.

7.

В январь спасая, как апрель,
Преображала ты окружье,
Поскольку в жизни коемужды
Дана особенная цель..

Одни приемлют канитель,
Другим — спесивость, как оружие,

А трети — пьют напиток дружбы
И отвергают зла шрапнель..

Ты плавила злоречье — в шлак,
Являя парадоксы воли,
В глухую ночь ты не ушла
В распутицу слепых разолий.

Ты образцом являла долг,
И распрей дух в дому умолк.

8.

Да, распрей дух в дому умолк,
И мы не отдадим наличье
Не дичи, чем владеет волк,
А отрицанья всякой дичи..

Пусть неизвестно нам величье,
Как с музыкой проходит полк,
И пусть живем почти по — птичьи,
Лишь в целомудрьи видя долг..

Горячей жизни ток не завершая,
И верность воплощая в плоть и кровь,
Мы лишь свою особость защищаем,
Не предавая ни на шаг любовь..

Да будет в том всей жизни благодарность!
Да славится земная солидарность!

28—30 июня 2005 г.

В память о Наташе и в благодарность
обеим им — сестрам

ПО МОТИВАМ БАШКИРСКОГО ЭПОСА

«УРАЛ-БАТЫР»

эпизод 1 (строфы 3894—4104)

Вот, брата проводив в дорогу,
 Урал призвал к себе народ:
 «Мы победили смерть в итоге,
 Бессмертны мы из рода в род.
 Прогнали мы всех злобных дивов,
 Сложили горы мы из них,
 И, чтобы жить в веках счастливо,
 Теперь найдем живой родник..
 Всю вычерпаем жизни воду,
 По каплям людям раздадим,
 И, от болезней став свободны,
 Потомки воспоют нам гимн...»
 Так говорил Урал, ликуя,
 Но вышел из толпы старик,
 Всем своим видом протестуя,
 Являя скорби жалкий лик.
 Он говорил: «Я жил, скитаясь,
 Я поколенья пережил,
 Не раз я видел, как мерзавец,
 Неправый суд с людьми вершил.
 Когда под страхом смерти лютой
 Отцы чурались детей,
 А падишах в расправе круто,
 Как змей, глотал живых людей..
 Но я пред смертью не страшился,
 Души своей я не предал,
 Хотя не раз с ней насмерть бился,

У горла чувствуя кинжал..
 Смерть отступила предо мною..
 Но стал я немощен и слаб,
 Разбиты кости, сердце ноет,
 Ташусь по жизни, словно раб..
 Ты — богатырь и победитель.
 Ты скачешь, оседлавши льва.
 Ты — даже Смерти повелитель,
 Но выслушай мои слова:
 Тобою властвует гордыня!
 Бессмертье — не удел людской.
 Пусть будет имя, как святыня,
 Бессмертье же полно тоской.
 Мир — это сад. В нем все живое
 В чередовании растет.
 Одни добро несут собою,
 Другие — сорняков приплод.
 То, что мы Смертью называем,
 Для нас — бессмысленное зло,
 Но Смерть лишь то уничтожает,
 Что сорным зелием взросло.
 Всегда на свете остается,
 Что украшает жизни сад.
 Добро огню не поддается,
 Добро превыше всех наград.
 Оно — бессмертия напиток,
 А вовсе не родник воды,
 Не счастье вовсе там сокрыто,
 А произвение беды...»
 Урал, услышав тайну Мира,
 В раздумье долго помолчал,
 Как будто слушал глас эфира —

Начала всяческих начал.
 Потом, склонившись к аксакалу,
 Коснувшись старческих седин,
 Их бережно поцеловал он
 И двинулся к горам один.
 За ним народ пошел, растерян,
 К источнику воды из гор,
 Как будто чувствуя потерю
 И дальних предков приговор.
 Урал, набрав воды кристальной,
 Обрызгал ею лес и дол:
 «О! Мир великий, изначальный,
 Прости мой глупый произвол.
 Цвети, Земля, любви достойна,
 На зависть всяческим врагам,
 Да зиждятся твои устои,
 Где жизнь со смертью пополам.
 Сияй, моя Земля, извечно,
 Стань садом правнукам башкир,
 И пусть продлится бесконечно
 Батыром выстраданный мир...»
 Гласит народная легенда —
 Поднялись сосны по горам,
 В скалу вонзив свои корни
 И не подвластные ветрам.
 Вечно-зеленым цветом елей
 Украсились долины гор,
 Не опадающих в метели,
 Червей не знающих с тех пор.
 А сам Батыр в горах сокрылся,
 Водораздельным став хребтом,
 Восток и Запад разделился

Кто — под луной, кто под крестом..
 И над хребтом, над Урал-Тау
 Идут веками облака,
 И птицы к югу улетают,
 Чтоб выжить им наверняка.
 А мы — сыны сынов Урала —
 Храним и пестуем добро,
 Хоть испытаний нам не мало
 Крутое время принесло..

Стих 1680 и далее:

Так от Урала нам заведено:
 Все старики и молодежь — родные,
 Не грабить никого, жить заодно,
 Не портить землю и края святые,
 И все, что добыто, делить на всех,
 Сирот не обижать, приструнить сильных,
 Не славить в раже воинский успех,
 И не прощая дерзости насилия,
 Пусть матери рожают дочерей
 И в водах нашей родины омоют,
 Да не обезобразим мы земли своей,
 Прекрасной ясным летом и зимою..

Стих 3720 и далее:

Завещание Урал-батыра

Тогда добро осилит силу Зла,
 Когда сам Человек всемогущим станет,
 И будут его добрые дела
 Сильней смертельной силы дряни.

Тому порукой нам дана Земля —
Извечная в своем великолепии,
Ее на части жадно не деля,
Мы сохраним ее леса и степи...

СЦЕНА ИЗ ЭПОСА «ХАУБАН И НАРКАС»

Хаубан:

Когда скитался сиротой,
Тебя увидел я.
Была ты уткой золотой,
Подбитой из ружья...

Прошло с тех пор не мало лет,
Я зрелый богатырь,
Узнал я тайный твой секрет
В чем мне помог хазырь*

Ты — водяного хана дочь,
Но мне — надежный друг,
Сумела робость превозмочь
И глупый визг подруг.

Советов мудрых ты дала
Несметное число,
Коня, чьи мощные крыла
Пол-царства принесло...

Теперь хочу узнать одно
Желание твое —
Ужель не быть нам заодно
Иль прошлое — былье?..

* волхв, шаман, кудесник.

Наркас:

Пускай я девушка пока,
 Но мать моя была
 Резвей охотника — стрелка,
 Решительна, смела.

Ее душа во мне всегда
 И не боюсь я битв,
 По нраву — конская байга,*
 Не пение молитв.

И не один батыр — лихач
 Не справился со мной,
 Но опасуюсь я задач
 Бытийности земной..

Я не жила в большой семье,
 Не убирала дом,
 Всегда была навеселе
 В дворце своем родном.

Я потому и красоту
 Сумела сохранить,
 Была, как птица на лету,
 В станке не пряла нить.

Лицо открою — от стыда
 И солнце в тучи льнет,
 Любой соперник от вреда
 Пред красотой уйдет...

* скачки

Но ты.. К тебе лежит душа.
 Ты — не соперник мне,
 Тебе я если хороша —
 Скажи наедине.

Сочтешь ли равной ты меня —
 Тебе я подчинюсь.
 Посадишь рядом на коня —
 К отцу я не вернусь.

И, пусть земля меня страшит —
 С тобой согласна я
 Сносить юдоль земных обид
 И тягость бытия..

*Строфы 81—82
 Обработка — май-июнь 2005 г.
 с. Варламово*

В ЗАБРОШЕННОМ САДУ

Я пришел, как после смерти,
В место, где любовь была,
Где цвело мое усердье
Возле каждого ствола.

Сад любимый, дар последний,
Внуков — правнуков удел,
Не хотят они усердья
Многотрудных тяжких дел...

Заросла чертополохом
Вся безгрешная земля,
И малина вся засохла
Средь колосьев ковыля.

Вишня борется с калиной,
Груша сникла от тоски.
Сад любимый, сад старинный
Видно кончились деньки...

А не так ли вся Россия
В наступленьи сорняков
Истомилась от бессилья
Дуреломов — дураков...

Города пустеют, села,
Избы брошены в лесах,
Едут, едут новоселы
В Пикадилли чтоб плясать.

Чтоб жариться в Майями,
Покорять Ерусалим,
Посылая баксы маме,
Предкам сдвинутым своим..

Хорошо, что я до смерти
Посетил заглохший сад:
Хоть поверьте — хоть не верьте —
Только яблоки висят..

*30 июня 2005 г.
Сад на Смолино
с возрастом в полвека!*

СТИХИ ИЗ СТАРЫХ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

На юбилей Натальи Александровой

Талант пленяет нас всегда
Отмечен свыше божьим даром
Ему неведомы года:
Они проходят ведь не даром.
Маэстро Вы в искусстве старом,
Виола Ваша молода
И сердце трепетным ударом
Заворожит нас навсегда..
Незримо — трепетно — чудесна
Вся Ваша трудная судьба
И, с Вашей музыкой воскреснув,
Мы святость чувствуем у лба.
Сотворец истинных открытий,
Вы, право, ангел наш хранитель..
23.03.2001 г.

Из Бродского:

- За равнодушие к культуре общество расплачивается прежде всего гражданскими свободами..
- Трагедийность (истории России) прежде всего не в гибели людей, а в невозможности эту гибель осознать выжившим..
- Лишь пишущий человек может осознать свое горе подлинным образом..
- Культурная кастрация мостит дорогу к тирании.
- Нас создали Цветаева, Пастернак, Рильке, Ахматова..

- Строка, адресованная Человеку, на самом деле адресована всему миру, она — ответ души на существование.
- Дать Человеку полно высказаться при жизни..
- Ведь мы — поэты — знаем все обо всем.
- Главное — это величие замысла.

*Из бесед с Соломоном Волковым
Нью-Йорк. 90-е годы*

МЕХАНИЗМ ВЛАСТИ

(притча в стихах)

Механизм политической власти
Разберем понемногу на части,
Где народ — безмянный фундамент,
Роль болтов исполняет регламент,
А ремень передачи — наивность
Под названием «высшая милость»...

Шестеренки — чиновничья дворня,
Что начальству угрюмо — покорна,
Но крутиться не может без смазки
И поборы берет без опаски...

И вращаются эти детали
На подшипниках и коленвале,
То бишь — женах, любовницах алчных,
Иногда — и голубенький мальчик...

Выше них — сановитые поршни,
Что в цилиндрах вращаются дольше:
В коридорах всеислия власти,
Так притерты, что рядом не влезьте...

Что же давит на них страшной силой,
Ордена раздавая и милость..
В чем энергия жуткой махины,
Что гудит, как в бою исполины...

Кто-то скажет — вожди, как колоссы,
Иль Законов премудрая россыпь,

Или деньги, чья власть виртуальна,
И дает результаты реально...

Мудрецы всех веков не напрасно
Все искали энергию власти,
Причисляя к ней доблесть и глупость,
Вычисляя в ней жадность и тупость.

Только время идет на планете —
Власть одна лишь не ведает смерти,
Государства стирая и страны,
В революциях гибнут тираны.

Шестеренки меняют народы,
И цилиндры, и поршни — уроды,
А незримая сила их давит
Сотрясая при каждом ударе...

Боже мой! Неужель непонятно,
Что всем правят.. Юпитера пятна,
Гелиоса летящая сила,
Солнцеликая милость светила...

Мы под ней вовсе не механизмы,
Мы — живые скоты — организмы,
Глупо тычемся мордой в кормушку,
Никогда не умнее неужто...

Обезьяны не многим умнее,
Мы свой разум ценить не умеем...

Запись от 08.01.1998 г.

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ

Да будет славен бог в Сионе
И Авраам в святом законе,
И Моисей во мгле Синая,
Кому под силу ложь святая.

От них мы столько истин знаем,
Скрижали вечно изучаем,
Что нас влекут сусальным раем
И праведникам потокаем.

Но мало именно последних,
И только тот — земли наследник,
Кто, пропустив событий уйму,
Сумел сберечь заветно душу.

Сумел знать в мелочи — истоки,
Откуда управляют боги
Судьбой несчастий и открытий
В бесчисленности всех событий...

Наука эта бесконечна,
От сотворенья мира вечна,
И в ней — от таинства соблазна —
Едино все. В едином — разно...

23.03.2001 г.

ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ

Мы росли, как князья,
Во дворцах во старинных,
Молодые друзья —
Сочинители гимнов.

Во старинных дворцах
И весьма благочинных
О великих творцах
Сочиняем мы гимны.

И, любя старину,
Причислялись к элите,
Что держала страну
На пороге открытий.

Века прошлого дым
Где и Крым, и Очаков
Нам принес молодым
Сотни памятных знаков.

Миф былых образцов
Удержал нас от спеси...
Мир старинных дворцов
Был картинно-чудесен...

27.04.2001 г.

УЧИТЕЛЯ

Учителей священный облик,
Мой укротивший дикий разум,
Во мне живут, живут, как доблесть,
Во сне вдруг оживая сразу.

Я помню каждую их фразу,
Их бескорыстие, как подвиг,
И кристаллические стразы
В соцветии духовных молний...

Наставники — мои кумиры,
Открытий ревностных отцы
Живущих смерти вопреки,

Вы — продолженье связей мира.
Связующих сокреп творцы,
Упругость дерзостной строки..
Май 2002 г.

КУРГАН

Г. Здановичу

Раскопанный курган —
Трагическая мета,
Кошунственный обман
Всего родного света.

Убийство навсегда
Родного пейзажа,
Исчезла высота
В чаду ажиотажа.

Исчезла и ушла
Испуганная тайна,
Осталась лишь зола
Разрытая случайно..
19.04.2002 г.

В. В. ПАНТЕЛЕЕВУ

Не много нам оставили отцы
 Заветов, и преданий, и напутствий:
 «Не торопись зачислиться в льстецы,
 Не доверяй обману самочувствий...
 Цени мгновенье редкое довольств
 Среди утрат и горестей обмана,
 И женщине не изменять изволь,
 Как ни тяжка привязанности рана...»
 И только с этим мы вошли в сей мир,
 Дожив до старости, и глупой и наивной,
 Зачитана не библия до дыр,
 А этот свод, подобный строчке гимна...
 Но как его до внуков передать,
 Когда страна в дурмане и обмане,
 Ослабла вековечная печать
 И мало толку в крепости преданий.

Помолимся, бедой вооружась,
 На мышцу, ослабевшую в юдоли —
 О, сохранись, незримейшая связь
 И дай окрепнуть ослабевшей воле...
 2002 г.

* * *

«Природа — сфинкс»

Ф. Тютчев

В час испытаний крепости души
 Когда покинул нас священный пламень,
 Когда истлели в небе миражи
 И телом мы почти истлели сами,

Мгновенный всплеск сердечного ума
 Нас обжигает чудом сострадания,
 Снимает разом тяжести ярма
 Волной божественной очарованья...

О! Господи — свята твоя любовь!
 Не зря, не зря ты посылаешь знаки,
 Велениям твоим не прекословь,
 Иначе все сокроется во мраке...

Разгадка сострадания — увы —
 Не стоит даже толики молвы...

2002 г. июнь

ВЫПИСКИ ОБ АЛЕКСАНДРЕ I БЛАГОСЛОВЕННОМ

В. К. Николай Михайлович:

Заслуживает ли Александр I быть причисленным к Великим Государям?

Думаю, да, ибо в истории было не мало всенародно великих, имевших слабости и нравственные, и физические...

Весьма немногие удостоились столь почетного прилагательного по деятельности в пользу Родины. У нас это Петр I и Екатерина II.

Для России Александр I не был великим, хотя его царствование дало многое, но ему не хватало **знания** ни русского человека, ни русского народа. Но благодаря гениальности сперва его союзника, а потом — его врага Наполеона, он навсегда займет особое положение в истории Европы начала XIX столетия, получив и от дружбы, и от соперничества с Наполеоном то **наитие**, которое составляет облик — атрибут Великого **монарха**.

Его облик как бы необходимо дополнился образом Наполеона, до того эти люди умели, будучи антиподами, обворожить и подчинить своей воле людей...

И оба нашли **врага** только в одной нации — в Альбионе, которые редко вообще признавали мировое значение личности, особенно — другого народа.

Внутри России был только положен фундамент обновления, но далеко не прочный. Бонапарт изменил весь ход работы Государя...

Борьба кончилась успешно, но надежды на подъем не оправдались: все, добытое на поле брани, было принесено в жертву Священному Союзу, а Россия осталась в глубоком сне. Поселения и массонство породили тай-

ные общества и 14 декабря — все привело к реакции Николаевского режима.

Случилось страшное — после блеска мировых побед Александр оставил брату страну, изнемогшую от прошлых войн, а еще больше — от Аракчеевщины... Весь организм был больным и изнемогающим при полной дезорганизации власти и всякого порядка...

Как личность Александр — Ангел, что стоит на Александровской колонне с крестом перед Зимним дворцом...

Наполеон писал о нем: «Византиец поздних времен»...

Французский историк Вандаль об Александре в Эрфурте (1808 г.?)

Этот Император, о котором говорили, что он слабохарактерный, непостоянный и нерешительный, таил под видом невозмутимо — ясного спокойствия удивительную стойкость характера... Он выслушивал Наполеона с удивительным терпением, спорил мало, даже не пытаясь опровергать многочисленных и сильных доводов своего противника, давал волю этому стремительному потоку, но затем возвращался к высказанной им идее и отстаивал ее с **кротким упорством**...

Его кроткое сопротивление совершенно не поддавалось силе убеждений и было подобно пружине, уступая под давлением только для того, чтобы вслед за тем незаметно выпрямиться, страшно раздражая Наполеона: «Ваш Император Александр упрям, как лошак. Прикидывается глухим, когда не хочет чего — либо слышать», — кричал он Коленкуру...

Энергия Наполеона разбивалась о неуловимого противника. Упреки и любезность не действовали. Вспыльчивость глушилась невозмутимостью...

Однажды, споря, Наполеон ударил шляпу об пол и начал топтать ее ногами. Александр замолчал и потом сказал спокойно: «Вы вспыльчивы, а я упрям. Гневом от меня ничего не добьешься. Поговорим, обсудим — иначе я уйду», — и направился к двери...

Еле удалось его удержать Наполеону...

Замечания на эту тему (мои):

Тактика Александра была выработана в процессе нескольких личных встреч с Наполеоном и его собственной внутренней работы психики, трагически созревшей от уроков бабки, неудачной любви к жене, неожиданного убийства отца сообщниками, проигрышами первых компаний с Наполеоном и пугающего одиночества перед ответственностью мировой катастрофы, надвигающейся на него в соперничестве с Исполином Зла и Коварства.. Эта тактика вызрела и воплотилась в войне 1812 года, в ней все носило личностный отпечаток нравственной непостижимой высоты, непоколебимости чести и достоинства.. Ни один властитель России не проявил такую способность к самовоспитанию, самоограничению и угрызениям совести, находясь на таком непостижимо — ответственном посту... Не случайно его искусство исчезновения в 1824 г. и уход в старчество (см. Трубецкого) с всеми деталями нежелания карать декабристов будущих или фискалить по заговорам..

Удивительные параллели XX века — Горбачев, тоже нравственный политик, обрек страну на изнеможение и распад, ибо дрогнул и не выстоял перед Рейганом, ступеялся и навсегда причастен к краху окончательному когда-то Великой Державы..

В нем не было «византийства» и высокой нравственной достоинства... Увы, он не был готов к испытаниям, но кто же прощает такое инфантильное качество лидера..

Все это я пытался передать в трагедии «Екатерина III».

*Запись 1 июля 2005 г.
в абтоцентре «Жизули»*

РАСПЯТИЕ

Если меня распять на кресте —
Сколько я дней протяну,
Глядя осмысленно на высоте
На дорожную страну...

Сердце пульсирует, хочется пить,
Ноги и руки без чувств,
Рту задубевший язык не вместить —
Хрип из потресканных уст...

Только глаза видят пламя костров,
Страшные лики родных,
Даже отдельные выкрики слов
В уши влетают от них...

То ли проклятия, то ли мольба —
Мне все равно потому,
Что я судьбы рядового раба
Больше никак не приму...

Распят.. Отмечен высоким крестом..
Намертво пригвожден..
Пусть никогда не сравнюсь я с Христом —
С ним разделяю закон.

Каждый отмечен, чей дух не лукав,
Каждый достоин креста,
Если ему не до гордости слав
В жизни дана высота.

Только смиренную муку прими,
Не осуждая притом,
Ненависть желчную между людьми
И проклинаящей дом..

После, три дня повисев, умерев,
Снят будешь ночью тайком,
Будешь затащен в пещеру иль хлев,
Так и оставшись рабом.

А захоронят — оставят ли гнить —
То не забота твоя:
Чуда не будет тебя воскресить
В ходе миров бытия.

Изредка только напомнит тебя
Новый, прибитый к кресту,
Родину, верно, безмерно любя
Поднятый на высоту...

*6 июля 2005 г.
с. Варламово*

ПЕТРОВ ДЕНЬ

К Петрову дню поспели две малинки,
Стручков гороха вызрели штук пять,
Поскольку тучи с солнцем в поединке
И невозможно теплый день поймать..

На всей России такова печать,
Как на заезженной века пластинке:
Печальная мелодия у Глинки,
Которую ему напела мать..

Зато внезапно — зычный бас у грома
И по-казачьи налетает дождь —
Все это с детства русскому знакомо,
Как в высоте ужасен царь и вождь..

Природы склад имеет свой характер
Так будь готов и к славе, и к утрате..

*12 июля 2005 г.
После бандитского дождя со свистом...
с. Варламово*

* * *

*В.А. Шеховцеву —
Новому Главе села Варламово*

Спасибо Вам, что обрели кормило,
Посудины — селá в нелегкий час,
Еще вчера на Родине штормило
И чуть потише началось сейчас..

Возможно, что село заждалось Вас,
Не верьте ни в Варлаама, ни в Кирилла —
Пусть это Вас догадка осенила,
Что Ваше судно — просто высший класс.

Село казачье, трех веков ровесник
Источник древней славы русских войск —
Что может быть для чести расчудесней
Чем сочетанье этих редких свойств..

Вложите душу в Возрожденье чести,
А Варлаам с Кириллом будут вместе..

12 июля 2005 г.

СУМРАЧНАЯ МОЛИТВА

Прости, Господь мои роптанья,
Но почему так тяжело
Все то, что шлешь для испытанья
И чем нагружено чело.

Как редко на душе светло
От лучезарного блистанья
То озаренья, то дерзанья,
Что от Тебя мне снизошло...

Но тучи, тучи все синей,
По горизонту нависая,
И меньше все с просветом дней,
Друзей испытанных теряя...

Ты отвечаешь: «Впереди
Вся твердь земная на груди...»

*13 июля
сплошные дожди, мрак
и тучи в апогее лета*

P.S. Немедленно свершились в этот день дела, которые я умолял произойти за 2—3 года: встречи, быт, взаимоотношения в доме наладились...

Вот посрамление атеизма!

НЕ УНЕСТИ

Не унести с собой Россию
На стершихся подошвах ног:
Привычку к стойкости, к насилью
Взять невозможно за порог..

И даже полотна кусок,
Где мамой вышита фамилья
И простынь — в дырах некрасивых —
С собою взять бы я не смог..

А это все — рассвет и птицы,
И запах прелого дерьма,
Не перетащишь за границы,
Где столько зрелого ума.

Там нет такого сочетанья
И простоты и обаянья..

*14 июля
после известия, что теракт в Лондоне
совершили давно, в третьем поколении
жибущие юноши-азиаты... Sic!*

* * *

Азиатский плевок — о бесстыдного детства привычка..
 Ты, военного детства ответ на униженный стыд нищеты,
 И с рогаткой и с жесткою он сочетался отлично,
 Он предчувствием был на карьеру бесстыдной тщеты..

Почему же и к старости вечно плюешься и ты,
 Презирая всех тех, кто ведет себя тихо, прилично,
 Иль тебе лишь юродство людей симпатично,
 А не в скромной гармонии ритм красоты..

Я не знаю... Но детство по прежнему видит
 Фальшь и ложь под костюмом английским, увы,
 И душа поневоле жестокость людей ненавидит,
 Несмотря на прилизанный стиль и окрас головы..

Так что плюнем на все — на погоню за модой и деньги —
 Пусть достанется мир показной дуракам во владенье..

«БЕСКОНЕЧНОСТЬ И НЕИЗВЕСТНОСТЬ»

Бесконечность и неизвестность —
 Два значка наших формул нагих,
 А наполнены ими и местность
 И поэта мятущийся стих.

Сколько мыслей лихих и благих
 Проверяли их дерзко на честность,
 Канув в мощном порыве в безвестность,
 Ощутив кратковременный миг..

Но по прежнему ждет неустанно
 Бесконечность спасенья от нас,
 Соблазняя нас пеплом обмана,
 Закрывая нам веки от глаз..

Мы поскольку не боги — а люди,
 То живем, как в скудельном сосуде..

21 июля 2005 г.
 с. Вараламово

НАКАЗ СЕБЕ

Воскрешая людскую историю,
Прикасаясь к судьбам людским,
Не смотри, как юнец в крематории,
Не слагай самолюбию гимн...

Есть святыня — дать голос другим,
Пребываю мгновение в фаворе я,
Лишь терзаясь и плача я вторю им —
Предкам канувшим и дорогим...

Как трагична судьба и бессмысленна!
Как таланты прекрасны в борьбе!
Как потери несметно-бесчисленны,
Говорю каждый день я себе...

И, рыдая, спешу в воскрешении
Тех, кто сгинул, не сдавшись в лишении...

*21 июля 2005 г.
с. Варламово*

МОЛИТВА БЕССИЛИЯ

Ты в испытаниях любви
Всегда обязан быть превыше,
Чем годы бранные твои,
А к богу быть поближе...

Пускай стоят иконы в нише —
Ты их на помощь призови,
И обязательно услышит
Господь стенания твои...

Слаб человек и одинок
И снисхождения не знает,
Когда душа одна страдает —
Ее поддержкой только Бог...

Пусть он с тобою умирает —
Другие это не узнают...

22.07.2005 г.

Со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни
твоей, терния и волчьи произростит она тебе, и будешь
питаться полевой травой, в поте лица будешь есть хлеб,
доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо
прах ты и в прах возвратишься...

Бытие 3, 17—19

* * *

Наш мир загадкою хорош,
 Но выносим едва ли;
 Чуть — что — погибнешь ни за грош,
 Едва тебя видали...

01.09.2005 г.

О СТАЛИНЕ

Н. Ягодницовой

А Сталин был, возможно, что и прав,
 Создав рывок, ценой в миллионы жизней,
 И, уходя в расцвете всяких слав,
 Соратникам пророчил в укоризне:

«Просрете вы, бездельники, страну,
 Людей породу вдрызг не понимая,
 Меня кляня, хуля, как сатану,
 И ожидая сладенького рая...»

То было время страшное угроз,
 Когда толпа взярилась равноправьем,
 И нищета поверила всерьез,
 Что можно жить свободными в державе...

Жестокий кормчий, вправду, стал как Бог,
 Один изнанку мира понимая,
 И сохранить корабль от бурей смог,
 Проклятья все и ярость принимая...

Один, один он уловил баланс,
 Как бог и зверь боролся в Человеке,
 И с дьяволом он заключил альянс,
 Чтоб к доброте прорвался мир навеки...

Сегодня умственно подрос не много мир,
 Стихий природных опасаясь силы,
 И в том повинен дерзостный кумир,
 России пол упекарчив в могилы...

Трагически-безмолвен век былой..
 Концлагерь он, расстрел и крематорий..
 Пропахший человеческой золой,
 Ожесточенный в межпартийном споре..

Но мы уроки так не извлекли
 Из атомно-бронированной схватки,
 На всем пространстве золотой Земли
 Установив торгашества порядки..

Насколько жаден жалкий Человек,
 Насколько он себя же обуздает —
 Пусть отвечает следующий век,
 А Сталин, все, похоже, понимает..

03.09.2005 г.

Читая роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба» и следя за годовщиной Беслана и трагедией в Нью-Орлеане великой и жадной Америки..

P.S. И еще — борясь со шквальным внезапным ливнем в с. Варламово.

БАЛЛАДА О ГОЛУБЯХ

Голуби на старом чердаке
 Полтора столетья обитают..
 Бог в своей великой доброте
 Их хранит и, видимо, питает..

Сколько гнезд малюсеньких птенцов,
 Желтеньких, потом и полосатых,
 Сколько несмышленьшей — юнцов
 Обретают навыки пернатых..

Голубиный радостный полет
 В солнечном прищуренном зените
 И, конечно, пахнувший помет —
 Дамы, что в гостях — уж извините..

Но суровой яростной зимой
 Как они, скажите, выживают..
 Жмутся, замерзая, под трубой,
 Хоть ее давно не прогревают..

Сколько их, замученных, потом
 Нахожу, истлевшими телами,
 Иль птенцов, задушенных котом,
 Хороню в помойной черной яме..

Но всеилен воркованья звук
 Каждую весной под этой крышей,
 И возни истомной бряк и стук
 По утрам на чердаке я слышу..

Господи! Спаси и сохрани
По своей державно — мощной воле
Этой голубиной воркотни
Тяжкую и радостную долю..

Все мы — твои голуби земли —
Слабые, пугливые, немые,
Хоть на краткий миг, но утоли
Нас полетом в дали голубые..
03.09.2005 г.

ОБ ЭТИХ СТИХАХ МОИХ

Не будем давать гарантии,
Не будем рядиться в мантии,
Но дерзостный этот урок
Пускай нам послужит впрок..

Тогда же

КОНТРАСТЫ

Очистилось небо осеннее,
И крыши просохли, дымясь,
И солнце, по прежнему летнее,
Прищурилось в яркую грязь..

А шквал — то какой бил, ярьась!
Как будто мгновенье последнее
Проматывал пьяным наследником
Какой-то расхристанный князь..

Такое непостижимое
Бывает на русской земле
То — в смене контрастной режимов,
То — в всплеске пожаров в селе..

Ниспослано нам это с умыслом,
Чтоб домыслы полнились промыслом..

03.09.2005 г.

11.30

НЬЮ-ОРЛЕАНСКИЕ СОНЕТЫ

(цикл)

1.

Люблю, Америка, твой дух
Простонародный и спесивый,
Джаз, убаюкивающий слух,
Ландшафт контрастный и красивый..

Самоотверженная в силе,
Уитмена вобравши дух,
И с Кингом славя ненасилье,
Не знала долго ты прорух....
Ты девой новоорлеанской
Внезапно встала предо мной,
Как мы — Чечней магометанской
Почти измучены одной..

Давай же выстоим на пару
И не согнемся под ударом.

03.09.2005 г.

2.

Вы помните, вы все, конечно, помните,
Как мы братались, Эльбу перейдя,
Колошниками обменявшись доменными
По прозорливости жестокого вождя..

А позже, чуть немного погодя,
Мы чуть не разожгли войну огромную

Такую, как и прежде, вероломную,
Но в радуге смертельного дождя...

Что оттащило нас от смертной пропасти?
Ведь не одни поклонники суббот
И не слоны России в их нелепости
И вовсе не послушливый народ...

Но это совершилось божьей милостью,
Чтобы Земля не пахла тухлой гнильностью...

3.

От той поры мы отступали медленно,
Теряя силы, волю и задор,
А вы же становились привередливей,
Усиливая дерзости напор...

Мы продолжали меж собою спор,
Доктриною изъеденные вьедливой,
И, воскрешая Дутова с Калединым,
В дворцах монарших выметали сор...

Вы соблазнили хитро нас свободою,
Не знающей ни меры, ни границ,
Чтоб наши дети — хилы и уродливы —
Перед величием Вашим пали ниц...

И вот вы сами ощутили с ужасом,
Как страшен мир, насилием нагруженный...

4.

*«Государство, обороняемое человеческим
страданием и страстью к свободе...»*

В. Гроссман «Жизнь и судьба»

Да, страшен мир, насилием нагруженный,
И в человеке дремлет древний зверь,
Съедающий сородичей за ужином,
Не чающем возмездья от потерь...

Почти открыта в преисподню дверь,
И Высший Разум даже очень нужен нам,
Коль выжить мы намерены теперь,
Вселенной катастрофами разбужены...

Уже летают корабли по Космосу,
Где вместе — наши братья — удалцы,
Неужто на земле мы будем в косности,
Стремясь взнуздать Природу под узцы...

Америка — взнуздай свое величие!
Не в долларах — в Уме твое отличие!

У СЛОМАННОЙ КЛЕТКИ

Разломана тюрьма —
От птичьей клетки остов..
Какие времена —
Держать и птиц непросто..

Свободой заболел,
Противится природа,
И орлеанский гнев
Ярится с небосвода..

Что жердочки для птиц,
Из проволоки — прутья,
Тут смерчем без границ
Не шуточны события..

Где небо, где земля —
Лишь волны океана,
Всю твердь перебега,
Бичуют ураганом..
23.09.2005 г.

ОГНЕННЫЙ ЗАКАТ

На осеннем закате,
Да еще в сентябре,
Как нам золотом платит
Лес в осенней заре..

В тишине у березы
Золотые листья,
И изысканы позы
Неземной красоты.

Цепенеет кустарник,
Серебристо блестя,
И алеет татарник,
Как развернутый стяг..

Пахнут грузди капустой,
Пылью пахнет камыш,
И прекрасно, и грустно,
Что вокруг эта тишь..

23.09.2005 г.
д. Архангельское

ДИКАЯ ЯБЛОНЯ

Дикая яблоня в роще берез —
Красные яблочки детства..
Как мы их ели, считая всерьез
С лакомством лучшим соседство..

Нынче она никому не нужна, —
Дикая яблоня детства,
И потому — вокруг нее тишина,
Дикого леса соседство..

Будем, конечно, и мы не нужны,
Детям отдав свои средства
И ощущеньем какой-то вины
Будет под осень соседство..

*Октябрь 2005 г.
Возле Архангельского*

ПАСТОРАЛЬНЫЙ ПЕЙЗАЖ

(сонет)

Голландский пейзаж иль уральский —
Сентябрьское солнце печет,
И ключ меж камней кастальский
Неслышно прозрачно течет,
Пастух на опушке пасет
Овец и баранов по-галльски —
В тени прикорнув мало-мальски,
Как будто бы он — звездочет..
А дальше, в долине, от жатвы
Стоит золотистая пыль,
И пахнет грибным урожаем
И небо, и лес, и ковыль..
Красивей старинной гравюры
Мне это виденье природы..

*25.09.2005 г.
с. Вараламово
Опушка леса по дороге на Кундровы*

* * *

Бесконечно прекрасен октябрь
 Злато-знойным багряным настоем,
 Где в безветрии — ржав канделябр
 Пред иконно-резным аналоем..

Дышит все упоенно покоем,
 Лист летит, по-хрустящему храбр,
 А в воде — шелестение жабр,
 Если руки от пота обмоем..

Благодать — как подарок, как долг
 Перед прежним обманом и мукой —
 Или это на Запад Восток
 Загляделся, застыв почему-то..

Что сулят эти дни опосля,
 Как очнется от блага земля?..

*9—10 октября 2005 г.
 с. Варалмово + 20 °С, днем*

БАЛЛАДА О КОШКЕ

Лучше всех на целом свете
 Ты мурлыкаешь всегда,
 Если маленькие дети
 Прикоснутся без вреда.

Если ласковые руки
 Гладят шелковость волос —
 То выделяет штука
 Загогулинами хвост.

Если лакомство мясное
 Кто угодно поднесет —
 — Ты прищуришься, как в зное,
 И облизываешь рот..

Но попробуйте неловко
 Стукнуть — брякнуть невзначай
 — Враз ощерится плутовка,
 Угрожающе урча..

А возьмите, ну возьмите
 В руки щетку иль совок —
 Станет сразу тоньше нити
 Угрожающий зрачок..

Шевельнетесь — прытче рыси
 В руку вцепится она,
 Вы — ей враг, подобный крысе
 В стары оны времена..

И отточенные когти —
Отшлифованы не зря —
Окровавят ваши локти,
Так что ахнут лекаря..

КОШКА — 2

Какие позы принимает
От неги кошечка моя —
Лишь живописцы понимают,
Но им — что кошка, что змея..

Одной поэзии под силу
Великий смысл восстановить,
Тигровой ленности спесивость
Понять, как царственную сыть!

Живет в любой прилюдной кошке
И королева, и раба,
Она становится роскошна,
Коль угодила ей судьба..

А я — ей бог, и ей владыка —
В ней вижу Женщину в любви,
И чувствую себя великим,
Ее лишь имя назови..

РАБА
(сонет)

Не веря в обоюдную любовь,
Не дай те бог забыть односторонность,
Которая так обжигает кровь,
Что заменяет праздную любовьность..

Любовь — всегда могучая условность..
Среди кастрюль, простынь и утюгов
Она пылает смирностью рабов,
Цена в тебе одну беспрекословность..

Но в том смиреньи кроется всегда
Не только целомудрие гордыни —
Но как бы сбереженные года
Не преданной в небрежности святыни.

А пусть тебя стократно предадут —
Любовь спасут лишь преданность и труд!

О ШИПАХ

Моей красоте

Шипы бывают многих видов:
У роз, у женщин, у колес..
Они — защита от обиды,
В кого вонзятся — вот вопрос..

А если говорить всерьез —
Без них и счастья нам не видеть,
Всегда умеет ненавидеть
Красавица почти до слез..

Я в гололед тебя довел
Без ошипованных колес —
Меня ругала ты нещадно —
И стало ясно мне тогда —

Ты так колюче — молода,
Что гололеду неповадно..

22.10.2005 г.

Миле — в день рожденья

63 года — года!

*Из Варламово — в Челябинск
после снежной бури!*

ОПРАВДАНИЕ СУДЬБЫ

*Вчера дошла весть
о реабилитации Оболенского
в Молдавском Верховном Суде!*

Боюсь поверить в эту весть —
Неужто правда в мире есть,
И мой кумир и мой учитель
Отныне — истинно святитель...

Почти пол века вся хула
Его отравой жгла и жгла,
Толкая в нищету, в опалу,
И от презрения — к скандалу...

Лишь только чистые душой
Не заражались той паршой,
Его учителем считая
И слову каждому внимая...

И вот — надежда после смерти
И сокрушение подлой тверди...
Пусть в пепел обратиться ложь
И злоязычие вельмож!
22.10.2005 г.

ЖЕНЩИНА ВО СНЕ

Почему мне снится эта Женщина:
Обручем чело ее увенчано,
Обручем чеканно изукрашенным
С надписью как будто не по нашему...

А под этим нимбом золотокованным —
Покрова видение шелкового.
Складками едва оно колышется,
Дальней флейты музыка мне слышится...

Что это? Виденье богоматери?
Но у нее черты любимой матери.
Родинка над бровью так знакомая,
И в устах — лукавинка укромная...

22.10.2005 г.

Ночь дома после снеговой поездки

БАНКЕТЫ

Кто не любит гул банкетов,
Кто не любит сей разврат,
Славословия поэтов,
Блеск изысканных наград..

Мы-то знаем этот ад.
Ценность дружеских обетов,
Мы-то ведаем секреты,
Где любой тебе, как брат..

Сей спектакль, где все — актеры,
И соперники судьбы,
Где ведут без толку споры:
Мы — рабы иль не рабы..

Знаем этому мы цену —
Только что сему в замену..

*23.10.2005 г.
Торжественный обед в честь
Дня Рождения супруги — подруги,
конской подруги..*

ЗЛОВЕЩИЕ ВЕЩИ

Ты обрати внимание: под старость:
Командуют тобой предметы..
Совсем немного времени осталось
Для пребывания на этом свете..

А вещи, про себя тая секреты,
Второстепенны, как тебе казалось,
Вдруг обретают сказочную наглость,
Одерживая над тобой победы..

Часы, перчатки, ручки пропадают,
Авто не едет, а замки ржавеют,
Все вещи в доме, становясь врагами,
В раздрыганнысти просто сатанеют..

Все окруженье для тебя зловеще!
Друзьями бывшие, теперь враждебны вещи..

*29.10.2005 г.
Первое за лето время
в городе в субботу и воскресенье*

ПОСРАМЛЕНИЕ ИЗУВЕРОВ

На реабилитацию Л. Л. Оболенского

Когда во мгле творя насилье,
И яростью ослеплены —
Вы оскопили всю Россию
Чумой и ядом сатаны..
Державность права и вины..

Тогда умолкли честь и вера
Пред славословием льстецов
И жуткий облик лицемера
Примером стал для образцов..

Но все же рухнула колонна
И лживость вашего Закона,
И нам явилась явь маразма,
Заслуживая лишь сарказма..
03.10.2005 г.

КОНТРАСТЫ

(цикл к 65-летию)

1. Вступление

Доживу ли до порога
Самобытной красоты,
Где намечены не строго
Очертания мечты..

Внуков странная влюбленность,
Милой Родины покой,
Старцев духа озаренность,
Не смятенная тоской..

Преклонение повсюду
К целомудрию судьбы,
Как к дарованному чуду
Прародительской мольбы.

Ведь содержит повседневность
Зерна прелести всегда,
Не гордыня б, не надменность
В зря прожитые года

Поезд в. Уфалей
14.11.2005 г. 8.20

2. Под небом

Что сулит нам это небо,
Завернувшись в облака,
Кроме засухи для хлеба
И унынья на века..

Серость душ и серость быта,
Непроявленность судеб —
Или счастья самобытность
И возвращенный чудом хлеб..

Вопреки всему — упорство
Проявляется всегда,
Где возможно чудотворство,
Хоть вокруг — одна беда.

Только на подобном фоне
Возникает, как контраст,
Мощь пленительных симфоний,
А творец у них — фантаст..

Там же 8.40

3. Пригород — 1

Не Парижские контрасты
Африканского жилья,
Где отвергнутые касты
Процветают средь жулья —

Это русские притоны
Бидонвилей и бомжей
Прозябают незаконно
В запаршивленности вшей.

Тут ночлежка — в теплотрассах,
Тут на мусорке — обед,
Кости сварены Пегаса
Вместо мяса и котлет.

Тут беспомощны протесты,
Тут озлобленность тиха,
Только вряд ли эта местность
Непригодна для стиха..

Пригород 9.00

4. Пригород — 2

Вот печальные домишки,
На веревочке — белье,
Мелко рублены дровишки,
Представляя бытие.

Не хули и не печалься —
Это века простота,
Не для сытого начальства
Тут сарайчик для скота.

Тонкостенные постройки
С асбошифером у крыш —
Это гнезда новоселов,
Что ни домик — там малыш..

Помесь древности и нови,
Разгильдяйства и тщеты —
Это таинства любви
Евразийской красоты..

9.20

5. Инфраструктура

Все леса на горизонте,
Теплотрассы и столбы

Словно просят: «Экономьте
Будущность своей судьбы».

Провода, что медносплавны,
Эстакады, что прочны,
И леса, где грунт отравлен —
Это — будущность страны.

Это — легкие у внуков
Почки правнуков, их ум,
Сей таинственной науки
Не постигнет тугодум.

Путепроводы и башни,
Нефтеемкостей котлы
Для кого-то — день вчерашний,
Для кого — предвестье мглы...
9.35

6. Аргаяш

Почему ажиотаж —
Скоро будет Аргаяш,
Мусульманская столица,
Азиатских масок лица.

Черно-белый лик берез,
Как предчувствие угроз...
То — башкирский древний кошт,
Где царил смутьянов вождь.

Тут богатство — аргамак,
Тут казак — смертельный враг...

Нынче прошлое — туманно,
А грядущее — обманно.

Хоть спокойствие сих мест
Стережет славянский крест...
ст. Аргаяш 10.10

7. Разъезд

Как часовня сих праведных мест —
Путевой магистрали разъезд.
Из брустчаника — дом и амбар,
Пусть не молод он, но и не стар.

И колодец, железом обшит,
И поленницы с крышею вид,
И собака развалисто — зла,
Хоть поблизости нет и села.

Но повозка с резиной колес
Говорит, что живут здесь всерьез:
Вдоль откосов порублен сорняк —
Тонкоствольных берез молодняк.

И отсыпан песком переезд —
Жизнелиния местных чудес.
На мгновение вздрогнет душа —
Как же святость труда хороша.
Близ Кыштыма 10.30

8. Откуда

Скажи мне — откуда, откуда
Является славное чудо,

И образа плавное жженье
И ритма немое круженье..

От этих колес ли, влекомых,
От мест за окошком знакомых,
От скрытности нынче светила
Иль сердца невидимой силы?...

Но хочется плакать от вида
Лесов, где таятся обиды,
Где мертвые пни от порубок
И лежни проложены грубо..

Так ранят нас друга седины
У жизни едва в середине,
И жалко ребенка немого,
Что силится вымолвить слово..

ст. Татьяна 10.40

9. Снова горы

Ах, поросшие уремы —
То ли горы, то ль холмы,
Как вы милы и знакомы
Ощущеньем старины.

Деревянные строенья —
Бревна, жерди и доска
Изменяют настроенье:
Прочь унынье и тоска.

Снова я в гостях у сказки,
Ели празднично — тихи,

И полны прелестной ласки
Избы, изгородь, стихи....

ст. Каваджиха 11.00

10. Склон

Поезд движется гекзаметром,
Огибая склоны гор,
А внизу упали замертво
Чаши стылые озер.

Далеко все видит взор:
Как девченки на экзамене,
С увлажненными глазами
Вот стоит березок хор.

А пониже — чернолесьем
Поднахмурился сосняк,
Словно, полон чужебесием,
Впал в унынии в столбняк.

Поезд движется медлительно,
Оттого все так пленительно...

У Маука 11.20

11. Седые горы

Снега белые прогалы
Перемешаны весьма
С почерневшим красноталом —
Поздней осени письма.

Гор узорная тесьма
Крыта снегом по увалам,

Туч иссизым опахалом
Затянулась бахрома.

Но стучит беспечно поезд
Сталью стылой о стыки..
Ни о чем не беспокоясь
Жили так большевики..

Весь пейзаж заполнен ими —
Столь безжалостно — святыми..
За Мауком 11.45

12. Контрапункт

Так задумана контрастно
Эта трудная земля,
Что менять у ней напрасно
Реки, горы и поля.

В ней все пригнано прекрасно —
Зори, выселки и тля,
Лагеря, кресты и ясли
И седые педеля*...

Снег забвения всесилен.
Хлеб удачи тороплив.
Разномасть ее красилен
Схожа с мастью конских грив.

В ней все — миг. И бесконечность.
Все — забота. И беспечность.
*12.00 на подьезде к В. Уфалею
ст. Иткуль*

* педель — надзиратель

БАЛЛАДА О СТАРОМ ПСЕ

Вот старый пес к автомобильной трассе
Задумчиво и плавно подошел
И гололед понюхал в одночасье,
Опасности почуяв производ.

Машины разномастные сновали..
Вдруг молодой голубоглазый пес,
Избаловавшись с сукою в подвале,
Через дорогу корпус свой понес..

Секунда — и его снесла машина,
Всей молодой отваге вопреки,
Хоть был он лютой крепости мужчина,
Достойный разве что в большевики.

Водитель, отворивши с бранью дверцу,
Отпнул визжащего от боли пса
И кинулся смотреть, схватясь за сердце,
Стекло и состоянье колеса..

Он был горяч и тоже пахнул псиной,
Он поскользнулся на покато льду
И тоже очутился под машиной,
Во встречном поспешающем ряду..

И несколько машин, ударясь разом,
В минуту запрудили весь проезд,
Где корчились и пес голубоглазый
И парень, пострадав в один присест.

Висел отборный мат над перекрестком,
 Дымились сигареты, и бабцы
 Визжали, обнажив зубные блестки
 И порываясь обнажить сосцы..

Лишь старый пес неспешно, осторожно
 Побоище, обнюхав, обошел.
 Бельмо мешало на глазу, возможно,
 И в поступи был слаб он и тяжел.

Но, добредя до раненного внука,
 Он рядом лег и облизал его:
 Вотще была годов его наука —
 Внук не усвоил вовсе ничего.

И плакал старый пес, почти не видя,
 Как капала, густея, в наледь кровь,
 И на своем собачьем на иврите
 Шептал напрасно внуку про любовь.

*В. Уфалей. Гостиница
 От происшествия на дороге 13.00—14.00*

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

Где эта точка в мире поднебесном,
 Где я стою в бесчисленной толпе
 Пиитов, ловко нанятых и пресных,
 Примкнувших к власти лижущих стопе.

Ночной кошмар сам страшен по себе.
 Еще страшней — в провинции безвестно
 Пропасть, свое не зная в жизни место,
 От времени сует оторопев.

Хвала Всевышнему — в громаде всех событий
 Учителей мне дал великий край,
 И цепь невиданных наитий и открытий
 Меня веда, как праведника — в рай.

Я выжил, никому не изменяя,
 В себе самом опору воздвигаю..

Ночь с 14 на 15 ноября 2005 г.

СЛОВО

Великое чудо — родимое слово!..
Тебя прославляю я снова и снова.
В чаду одиночества. В горе утраты.
Лишь словом мы крепимся — жизни солдаты.

Твои рядовые, родимый язык.
Ты — посох для странника. Вовсе не штык.
Опора в безверии. Кладезь чудес.
Чтоб дух утомленный в пустыне воскрес.

Один не предашь ты. Один не изменишь.
Всесилен и гибок в потоке сравнений.
От звезд до травинки весь мир принимая,
Ты сердцу живительно ритм поднимаешь.

И верность тебе, как опора Отчизны,
Дороже всего, даже сладости жизни.

*Ночь с 14 на 15 ноября 2005 г.
в гостинице В. Уфалея*

МЕД ЖИЗНИ

Без горечи жизни — судьбы не поймет,
Где скрыт в ней по каплям живительный мед.
Где тонким раствором невидимых струй
Хранят соты памяти твой поцелуй.

Тот первый, пленительный — и навсегда
Не в силах сломить человека беда.
Хранится ребенка родного восторг,
Когда он начальное слово исторг.

Всем тельцем дрожа, улыбаясь тебе
В своем исполинском и детском труде.
А радость открытия тайны вещей —
Корявая формула долгих ночей.

Причина и следствие враз собрались,
И Бог снисходительно свесился вниз..
Таинственный мир, где потребен пророк,
И ты догадаться хоть капельку смог,

Как жизнь зародилась в улыбке зари
И отблеском светят ее снегири..
Медовая прелесть счастливого дня
Спасает от скорби тебя и меня.

Моя дорогая, жизнь — это полет,
Пока на губах этот сладостный мед..

*Ночь с 14 на 15 ноября 2005 г.
гостиница В. Уфалея и горы, освещенные луной
под громадным прудом, замершим в белом оцепенении*

НАЕДИНЕ

Побыть с собой наедине —
Какое это счастье,
В своей осмысленной стране
Преодолеть напасти.

Исчислить боли и грехи,
Измены и уступки,
И попытаться сквозь стихи
Понять свои поступки.

Понять величие судьбы,
Тебе не за что данной,
И всю бессмысленность гоньбы
За вожделенной манной...

В час одиночества один
Господь тебе союзник.
Он здесь — не раб, не господин,
А сотоварищ в кузне.

Мы вместе с ним судьбы куем
Тяжелое изделие
И тяжко трудимся вдвоем,
Презря соблазн безделья...
Утро 15.11.2005 г.

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ РЕШЕТОВА

(цикл)

1.

Я видел этого поэта,
В его квартире водку пил,
И не просил его совета,
Но все ж судьбу благодарил.

В глуши Урала жил святитель
Великой жизнью души,
Он совести был просветитель,
Живя в эпоху лютотой лжи.

Он делал это скромно, просто,
Почти на грани нищеты,
И не брала его короста
Никчемной нашей суеты.

Теперь, его стихи читая,
Я постепенно так сужу:
Урал — Отчизна всеблагая,
Честь, что к нему принадлежу...

Утро 15.11.2005 г.

2.

Торопливая дева — судьба
Всё спешит предъявить назначенье,
Для чего нам на тропке ходьба,
Смысл занудного дела — ученья.

Всё торопится дать развлеченье,
Превратить у мгновенья — в раба,
И придумывает отвлеченья,
Обманув, кого воля слаба.

Но себя обмишулить не дам,
Чуя лживой игры подоплеку,
И судьбу заставляю я сам
Мне открыть назначенье до сроку.

Так наследной опоры упорство
Раскрывает мне смысл непокорства.
15.11.2005 г. 8.10

3.

Соратником Природы быть дано
Особо прозорливым в непокорстве,
Пускай она расстелит полотном
В необозримой длительности версты —

Но в этой протяженности дорог
Есть связь незримая былого меж грядущим,
И здесь бессилен всемогущий Рок
Пред путником, в дерзании идущем.

Тот путник изначально терпелив,
И зорек к каждой мелочи дороги,
В его душе — особый лейтмотив,
Выносливое сердце, да и ноги.

И он отыщет новую тропу,
Не поддаваясь неге и соблазну,
И на вершине утвердит стопу,
И у Природы он излечит язвы.
15.11.2005 г. 8.30 утра

4.

В дикой сложности бытия
И облыжности всяких предательств,
Где же праведной жизни струя,
Что не ждет для себя доказательств.

Не беря на себя обязательств,
Не творя из себя жития,
Все ж не терпит она отлагательств,
Повседневность искусно творя..

Диво-дивное — строки поэта:
Скальпель чести в быту применяя,
Беспощадную строгость сонета
Сохранил в свете утлого дня.

Преклони перед ними колени —
Многих стоят они поколений.
15.11.2005 г. 12.30

5.

*«Одним праведником
спасется город»*

Из Библии

Я не знаю — сколько велики
Эти самые Березники,
Слышал только — химия и яд
Далеко заносят аромат.

В нем отныне памятник стоит:
С сигаретой юноша — пиит.
Знал его я только стариком,
С ним однажды шапочно знаком.

Но его читая чистые стихи,
Я разгул почувствовал стихий,
Дерзость мысли и судьбу добра,
Искренность могучего пера.

Позже понял: Город и Страна
Будут Богу все-таки нужна,
Потому что жил свой краткий век
В них — вселенской правды Человек.

15.11.2005 г. 13.50

ОПЯТЬ

Опять священники толкуют
О преимуществе церквей
И снова к совести взыскуют
Перед амвоном алтарей...

Священства избранная тема —
О неподсудности суду —
Опять звучит, как теорема
О водосвятстве на пруду.

Кто к богоизбранности ближе —
Убогий, нищий или поп,
Обученный, пусть не в Париже,
По технологии «нон-стоп»...

Всегда в свирепости и розни
К обрядам старым и иным,
Веками совершая козни,
Поют опять священству гимн.

Людские слабости не чуя,
Давно отвергнув стон толпы,
Лишь чудом Родину врачуя,
Они давно уже слепы..

Когда, зверя, коммунисты
Их линчевали целый век —
Страдания эти ликом чистым
Христа украсили ковчег.

Страдальцы возвратили церкви
Ее высокое чело,
Но от торговли лик померкнул,
Как будто солнышко зашло.

Священник, ставший коммерсантом —
Вот кто встречает в алтаре
Праздно-язычных экскурсантов,
К ним отнесясь, как к детворе.

Чужды любой публичной жизни,
Древле-славянским языком
Читают таинства на тризне,
Как будто век им незнаком.

И меркнут на устах святыни,
Философы им не нужны,
А диалог вессти отныне —
Якшаться с духом сатаны.

Великих слов средневековья,
Не зная страданья, не понять,
Зато в богатое сословье
Им есть возможность проникать.

Пора бы в университеты,
В спецназ и даже в ФСБ
Их взять, им принося обеты,
И им довериться в судьбе..

Так что же — значит, наша совесть
Без исповеди им мертва:

Церковный цензор вставит в повесть
Одни пристойные слова.

А в космос проникать — с кадиллом
Пропишет ласково Синод
И не исследовать светило,
Ища от Бога лишь щедрот..

Помилуйте, ведь мы — не дети,
Мораль науке не чужда,
Лишь ей одно вершить на свете
Свой выбор правого суда.

Природы таинство благое —
Вот истины великой культ,
Быть человечеству в покое
Ее загадки не дадут.

И не под силу клерикалам
Раскрыть грядущее Земли,
Откуда в космос по сигналам
Летят и гибнут корабли..

Христос и Будда, и Конфуций
И трижды мудрый Магомет
Пусть будут в текстах Конституций
И слабым подают совет.

Идите с богом в богадельни,
В приюты, полные сирот,
Отвергните, что поп — бездельник
И дойный аппарат щедрот.

Объединитесь, коль всеильны,
Вы, как духовные вожди,
В уничтожении насилья,
Где есть кислотные дожди.

Предайте войны все — проклятью,
Богатство — чистым грабежом.
Христос сказал: «Все люди — братья...»
И впрочем—то — за рубежом....

15.11.2005 г. 15.00—18.00
обратный поезд «В. Уфалей — Челябинск»

Так закончилась моя поездка — всего полутора суток, но что делает Природа, пейзаж, дорога, гостиничное одиночество и щедрота поздней почти теплой осени с предзимним снегом на вершинах гор. Чудо и прозрачность мысли. Спасибо, Господи, тебе за озаренье...

СИНАГОГА

(новелла)

Вот и подошло столетие Челябинской Синагоги... Праздник общины собрал целый зал драмтеатра, где в первых рядах сидели Бен Лазер, Меир Кирш, Абрам Жук — с трудом произнося речи свои на русском языке... Иностранцы, где все для них сложно, лишь горение службы подымает их вверх: они служат тысячелетнему Иегове...

Но отлично пели на иврите и потом — на русском — юные школяры элитной еврейской школы. Потом пошли кадры съемок: школа — Хабад, школа — Ор-Авнер, лагерь «Ган Исроэл», клуб «Нешей — Хабад». Десятки — сотни молодых и старых лиц — община, фонд, омовения, обрезания, столовая, клуб...

Гудит и расцветает община евреев на Южно-Уральской земле...

А ведь еще совсем недавно — в 80-х — все было безнадежно и страшно: друзья — евреи рвались за рубеж, проклиная эту глупую упрямую страну, чиновников и функционеров, бюстителей и солдафонов...

Так друзья и уехали почти все — только женатый на русской Арон — мой старый приятель — недоуменно спрашивает меня при встречах: «Я — атеист, чего я куда-то поеду?..»

Он один такой — упрямый и кряжистый. Все мои друзья юности — зрелости давно разлетелись. Думал — не останется евреев — ан нет: полный зал, полнее, чем было десять лет назад. И все шумные, азартные, спорящие... Богатых не видно, но дети прелестны: в белых рубашках, с лентами через плечо, в шапочках на макушках... Истые еврейские гениальности, все — гениальны...

А тогда, в восьмидесятых, синагога была мерзким складом протезов, и — обследуя ее — я с горечью думал: восстановлю ее — друзья останутся. Я должен это сделать, я — русский — после мечети должен восстановить православный собор А. Невского и синагогу. Так у меня было намечено — церковь и синагогу... Великие мировые религии были в городе всегда — пусть будут теперь возрождены с нашей покаянной инициативой...

Но союзников по синагоге сначала не было. Партийцы заились и дулись на меня, а я упорно вещал (в Обл. Совете, в исполкоме, в обкоме) — надо восстановить древнейший памятник, надо!

И лишь когда пришел Ельцин, дело пошло быстрее: мы создали культурный центр, и он стал юр. лицом. В марте 1991 г. исполком внял мольбам и дал комнату для евреев в складе... Долгие пять лет мы бились, отыскивая умело прятавшихся спонсоров — меценатов...

И вдруг к 1996 году они появились: ведь банкиры-олигархи поддерживали вновь Ельцина — и местные равнуди во власть тоже. Тут мы стали не нужны, и нас просто оттеснили. Лишь Каплан и Либерман продолжили работать в центре.

Многие дебаты там я помню: и в уже подошедшей к ремонту синагоге, и в библиотеках (Пушкина) — все рвали к изучению иврита и отъезду... Сколько ярких умов: филологи-инженеры, ботаники-диссиденты, изобретатели-альтруисты...

Всех унесло с семьями, инструментами, дипломами, амбициями. Певцы и музыканты, художники и профессора, знатоки Запада и Востока, остроумцы и иронисты...

И все-таки 100-летие кипело полным залом, музыкой рока и синогогальным пением, шутками старцев и юмо-

ром молодых. «В 1905 году пуск синагоги в дни поражения от японцев и смут восстаний — это уникально», — сказал редактор «Ле Хаима» из Москвы, умно и тонко показал связь эпох и времен.

Смута и сейчас, с японцами так и нет мирного договора, но Россия уже не гнется из-за кредитов, уже не выкидывает на помойки беспризорников, но еще не делает ночлежек для бомжей и не решается вводить собственность на лесные урочища и реки...

Что впереди — не знаю, но я рад сидеть в зале, полном евреев — моих земляков, оставшихся (пока) здесь для бизнеса или учебы, добычи карьеры или обретения суженых — не важно. Перед входом — ни одного плаката с уголовной мордой «Россия для русских»...

В этом есть и моя капля труда, надежд, любви... Не правда, что:

«Мы так много заплатили за презрение, что пожалуй обнищали навсегда...». Это писал Визбор, но это отнюдь не так...

23.11.2005 г.

Стихи
из прошлой записной книжки
2003 года — июль

БАШКИРСКИЕ МОТИВЫ
(цикл)

1.

Благодатные горы Урала
Пахнут ягодами в жару,
Пахнут мхом, высыхающим в скалах,
Пахнут илом речным на ветру...

Горизонт напряжен и упруг
И очерчен их профилем малым,
Пахнет дымом туман по утру,
Словно мясо с кавказским мангалом...

Зелень — прозелень гор над стремниной —
Это древность башкирской земли,
Уходящей в тревожный рассвет.

Горы — это живые былины,
От которых мы жизнь обрели,
А без них нам и праздника нет.
17.07.2003 г.

р. Ай перегон Пороги — Иструть

2. Сонные воды

Я плыл по небу и реке
Одновременно и чудесно.
Вода стояла в столбняке,
Вобрав в себя весь свод небесный.

Слегка от лодки свод надтреснул,
Летела цапля вдалеке,
Дрожала удочка в руке,
И в облаках сам Бог воскреснул.

И мы, подобные богам,
Медлительно парили в небе,
Почти не думая о хлебе,
Где пасся скот по берегам.
Виденье длилось ровно столько,
Пока не зазвучала дойка.

17.07.2003 г.

р. Ай возле с. Александровка

3. Река Ай

Фантазмагорию видений
Разматывают берега:
То замок, полный привидений,
То крепость, жаждущую врага.

Вот бастионная дуга
Для допризывников учений,
А вот — аллея развлечений —
Дворцы Версаля и стога...

Экзотика воды стоящей
 С узорной зеленью дерев
 Подобна сказке настоящей
 Про царских витязей и дев..

Хотя ничто не долговечно,
 Но только не Урала речка..

17.07.2003 г.
 там же

4. На солнцепеке

Резкие контрасты — горы у реки —
 Целое богатство: сушь и ивняки.
 Камни по угорам, аир у воды,
 Прямо перед бором — искорки слюды.

Алый земляничник — заросли лозы,
 Будто пограничье резкой полосы:
 Бедные народы — и богатый люд,
 Нищета свободы — сытости уют.

Щедрые долины, скромность на горах —
 Скрытые причины. Жадность. Боль. И страх.
 18.07.2003 г.

5. Слепни

Слепни слепые целят точно:
 С размаху, с лету в кожу бьют,
 Как террористы стран восточных,
 Бьют в самый жизненный сосуд.

И с наслаждением кровь сосут,
 В истоме так сосредоточась,
 Что, их определяя прочность,
 Нещадно хлещут скот и люд.

Сосуществуют так века
 Слепни, и лошади, и овцы..
 Так кровь сосут у нас торговцы,
 Хотя их бьют наверняка..

Но сей извечный симбиоз
 Задуман Господом всерьез..

18.07.2003 г. 12.00
 стоянка на р. Ай

ТОЧКА КИПЕНИЯ

Сколько упорства и сколько терпения,
Чтобы достигнуть точки кипения,
В поле, с костром, или в цехе — со сталью,
Не пренебечь ни малейшей деталью:
Ветром и топливом, влагой и смесью.
Быстро ошибки покончат со спесью,
Быстро тебя обсмеют, обхохочат.
Точка кипения — точка пророчеств.
Видно, недаром в ней видел Шекспир
Весь наш кипящий безумием мир..

18.07.2003 г. 14.00

КИПЯЩИЙ КОТЕЛ

В котле кипящем в сказке
Сварился как-то царь,
А молодец прекрасный
Стал новый государь..

Не так уж и наивна
Старинная молва,
И, как нам не противно,
Во многом и права.

В кипеньи революций
Рождаются вожди.
В захлебе резолюций
Какой-то дряни жди..

18.07.2003 г. 14.30

р. Ай, стоянка у родника

ПУП ВСЕЛЕНСКИЙ

Только мы и оживили
Эту грустную планету —
От планктона и рептилий
Принимая эстафету.

Выйдя из моря на сушу,
Все наполнив кислородом,
Обрели людскую душу
Под холодным небосводом...

Размножаясь, поедая
И белки, и эту зелень
Создали основу рая
Из безжизненных расселин...

Дело техники — строенья,
Государства и наука,
Если будет настроенье
И у прадеда и внука.

Рады звери, континенты,
И далекие созвездья
Что и мы не элементы,
А несущие известье.

Весть благую без конфузий
О Космическом Союзе:
Человек — вселенной узел!
На Земле — как пуп на пузе!

18.07.2003 г.
в ожидании ушедших в пещеру за реку

ВАЛЬС НА ВОДЕ

Мы не хотим тягаться
Со смертью иль бедой —
Мы жаждем прогуляться,
Жизнь вспомнить молодой.

Поэтому гондолы
Нагружены едой
И в ящиках тяжелых —
Стекло с святой водой.

И, предвкушая сладость,
Хотим мы гресть слегка,
Чтоб ощущать нам радость
Речного ветерка...

Но волею событий
В заплыв вовлечены,
Вдруг чувствуем, что прыти
Все больше у волны.

Грести все тяжелее,
И весь катамаран
Ползет, как тело змея,
Увечное от ран.

Мы кружимся, как в вальсе,
Под струями волны,
Вдруг снизу хруст раздался
От каменной спины.

Мы накрепко засели
И, судно чтоб стащить,
«Дубинушку» запели,
Закинув оплечь нить..

Бредем в воде холодной
И вскакиваем вновь
С осанкой благородной,
Кляня свою любовь

Ко всяким приключениям..
Забыли мы о том,
Что Русь — страна мучений,
Наш окаянный дом.
19.07.2003 г.

ПЕЩЕРА «КУРГОЗАК»

У входа у пещеры
С названием «Кургозак»
Как будто древней эры
На нас глядит призра́к..

То царствие Плутона
Из глины, изо льда,
Где, с приглушенным стоном,
На нас глядит беда.

От солнца удаляясь
Во мрак и тишину,
Мы ощущаем зависть
И странную вину:

Отсюда вышли люди —
Пещерные сыны..
У нас — едины судьбы,
Но их пути страшны..

19.07.2003 г.
стоянка «Майская поляна»

ВПАЛАЯ ГРУДЬ

Впалая грудина —
 След военных лет:
 Был я не мужчина
 А почти скелет.

От недоедания
 Хил и слабоват,
 В самолюбованиях
 Был я трусоват..

Грудь вперед по жизни
 Не умел нести,
 Только укоризны
 Ждал я на пути.
 Пляясь и сутулясь,
 Брел, боясь всего,
 В малышах и в юность
 Быв судьбы рабом.

Но сейчас и в старость
 Жизни я боюсь:
 Грудь — такая малость —
 Очень жалит гнусь..
 19.07.2003 г.

НА ПЛОТУ

В скалы-небоскребы
 Смотрится река
 С прелестью особой
 Речи ветерка.

С многозвучным эхом
 Крепких голосов,
 С беспричинным смехом
 Птиц ночных и сов..

Плавно и тягуче
 Двигается в ней плот,
 Мужиков могучих
 Восемь тел несет.

Попивают пиво,
 Плавают слегка,
 И глядят спесиво
 В чащи сосняка.

Плот добротнo строен:
 Камеры, щиты,
 Мужики — герои
 Против нищеты.

Плот благополучья
 Сытости и нег.
 Шанс им выпал, случай:
 Плот их — как ковчег.

Пусть плывут на радость
 Впереди — туман,
 Может быть и гадость,
 Может — и обман..
 19.07.2003 г.

Посещение пещеры, вечерний костер и рассказ Леши об озере Баден-Зее, где туризм благообразен, без права мять траву, собирать грибы и портить пейзаж кострами. Только барбекю со своими припасами...

УТЕСЫ ПРИТЕСЫ

На выходе из горного Урала
 Извилистой реки с названием Ай
 Прекрасных скал поистине не мало,
 Которые украсят каждый край.

Но я люблю от юности старинной
 С байдарочных походов давних дней
 Стену утесов с именем былинным —
 «Притесь» — ряд седых богатырей.

На правой стороне почти до неба
 Стоят отвесно в трещинах эпох
 С времен жулебов, витячей, дулебов
 Массивные столбы, а сверху — мох.

Они плывут века в седую вечность.
 Мы рядом с ними — мошки на воде.
 Они — сама Урала бесконечность,
 Чтоб в жилах кровь могла похолодеть.

И в этих твердокаменных ущельях
 Всегда ветра навстречу, словно шквал,
 И многие не достигают цели,
 Когда достигнет плот девятый вал.

Я знаю, что не мало грозных барок
 Здесь в старину разбились навсегда..
 Урал седой отнюдь не перестарок,
 И в нем небрежность — истинно беда...

20.07.2003 г.
 скалы Большие Притесы

КОНТРАСТЫ КЛИМАТА

Контрасты климата Урала —
 Не женские капризы в бардаке:
 Чуть разогреются от солнца скалы —
 Задует ветер резко в ивняке.

Здесь путник не выходит налегке,
 Он ожидает и пурги, и шквала,
 А экстремал имеет в рюкзаке
 Любой набор рабочего металла.

Спасать из трещины, из полыньи,
 Из напрочь искареженной машины,
 А, может, из замерзших городов..
 Кто знает дни грядущие свои
 В идущей грозной мешанине,
 Предстать пред Господом всегда готов..
 20.07.2003 г.

стоянка возле д. Алексеевка

ПЕЩЕРНЫЕ ПЕРИОД

Были разные периоды
 В нашей жизни — кутерьме..
 В разной функции от климата
 Были часто мы в дерьме.

Хорошо, что не в тюрьме..
 Были в бедствии — счастливыми,
 Были в счастье — не спесивыми
 Рады лету и зиме..

Но однажды нам назначено
 Путь обратный совершить,
 Пред пещерой озадачено
 Вновь в раздумьи: быть — не быть..

Путь в периоды пещерные
 Коль назад — то совершеннее..

*20.07.2003 г. п. Сикияз-Томак
 окончание плавания и подготовка
 к завтрашней вылазке в пещерный город предков*

СУДЬБА ПОРОГОВ

Пятнадцать лет тому назад
Я открывал «Пороги»:
Завод — старинный ретроград,
Засевший в гор отроги.

Мечтал его я воскресить,
Показывал и сыну,
Как то ведется на Руси,
Где чтят уклад старинный...

Прошли года. Туристский центр
С названием «Пороги»
Теперь имеет свой процент,
Имеет блеск дороги.

Гостиницу, где богачи
Легко проводят время,
Где пьянствуют одни рвачи —
Неистовое племя.

А сам поселок — без огня
Сидит почти всю зиму,
Хоть не винит он в том меня,
Но я винюсь незримо.

Одна — единственная цель
Дошла до реализма..
Вот вам и горе — параллель
Из дней капитализма.

*21.07.2003 г. Гостиница в «Порогах» — точная копия австрийских
горных отелей с бассейном, сауной, бильярдной на энергии от турбин
гидростанции «Пороги»...*

МОЛЕНИЕ О СИКИЯЗ-ТОМАКЕ

1.

Пещерный город над рекою —
Полсотни высохших пещер,
Как след античного героя —
Наследье мифов и химер.

И здесь — чреда веков и эр
В разрытых ямах под горою,
Где кости смешаны с золою
Эпох, каких не знал Гомер.

Вот мамонта и тигра кости.
Вот наконечники от стрел.
Вот жертвенный простой сосуд.

Стоим в волненьи на погосте:
Как предок выдержать сумел
Природы неприяжный суд...

25.07.2003 г.

с. Варламово

Через день после приезда из Сикияз-Томака

2.

Природы не присяжный суд
Происходил как раз в то время:
Уже не обезьянье племя
Мослы от мамонта сосут.

Геологических минут
Они несут лихое бремя —

Всего десяток поколений
От дикости зверей уйдут...

Уйдут, узнав взаимопомощь,
Установив на смерть «табу»
И присягая «не убий»...

Старик, который древность помнит,
Предвидит племени судьбу
И носит имя «мудрый змий»...

3.

Он носит имя «мудрый змий»
Как сын всеильнейшего Лося,
О силе говорит любви
И у богов защиты просит...

Ему видна задолго осень.
Любую малость назови —
Он, почесав седую просесть,
Предскажет судьбы на крови...

Вокруг — свирепость каннибалов —
Двуногих яростных зверей,
Но это племя твердо знало —
От спайки лишь добро сильней...

И не огонь, не труд, ни сила —
Любовь их мудростью крестила...

4.

Любовь их мудростью крестила.
Земля дала пещерный град,
Где предка славного могила
И где свершается обряд...

Десятки тысяч лет назад
Ту дату время поглотило,
Но археолог — мой собрат —
Стань современникам светилом...

Раскрой закон путей судьбы,
Где лишь любовь для Человека,
А не наитье ворожбы
Поистине предстало б вехой...

Без сострадания ты — зверь,
И в гибель лишь открыта дверь...

5.

Да, в гибель лишь открыта дверь
Насильникам любой эпохи.
Их называют «кабыздохи»,
Виновниками всех потерь.

И, сколько вождь не лицемерь,
И, как не льстят тебе пройдохи —
Твоя судьба — чертополохи
И, может, — наркоманка — дщерь...

А их империи, в итоге,
В удельных войнах растворясь,

Находят в распрях свой удел,
И, утомлясь от долгой склоки,
Там властвуют монгольский князь,
Кладя всем цесарям предел..

6.

Кладя всем цесарям предел
С времен пещерных равноправий,
Никто не жил без строгих правил,
Никто табу пресечь не смел.

И не спасают ни расстрел,
Ни власть милиции в державе,
Когда всем правит беспредел,
Неандертальский кодекс в славе..

Открой же, Секияз-Томак,
Нам ритуалы наших предков —
Эпох высокую отметку
И разума священный знак.

Здесь, в залах обжитых пещеры,
Начало новой нашей эры..

25—28.07.2003 г.

с. Варламово

После поездки по р. Ай на границе
Башкирии и Челябинской области

КОРОЛЬ В НЬЮ-ИОРКЕ (размышления)

Третий раз смотрю гениальный фильм Чарли Чаплина — пол века назад сделанную сатиру на великую страну свободы и рекламной продажности, преследования инакомыслящих и сосредоточения власти в руках элиты..

Многообразие ассоциаций сегодня куда более заметно, чем несколько лет назад: его начальная ирония к стране, где он получил все — славу, деньги, независимость, приобретает зловещее предсказание.. Оттуда вернулся и Солженицын, отвергнув все, с глубокой печалью прибыл и Есенин, став гениально прозревшим и заслужившим свою гибель..

Чаплин вложил в уста мальчика Руперта слова о концентрации власти, как о превести гибели страны. И это сегодня для России тоже — инакомыслие и угроза, хотя ментальность наша видит всегда в спорах и откровениях внутри элиты неизбежную угрозу краха, одобряя сильную власть и жесткость кары под любым предлогом.

Видимо, и мое толкование эволюции собственной культуры — лишь гипотеза, как сценарий Чаплина. Мы далеки от безукоризненности расшифровки собственной страны. Мы толкуем ее как художники, а не ученые, не историки, не догматики..

Завершив «незримую нить», я все глубже понимаю — как отличается художественно-цельный взгляд от дисциплинарно частичного. Чаплин делает сцены с омоложением лица блестяще: подтяжки медиков не могут изменить твою натуру, с помощью медицинских ухищрений нельзя сменить душу.

Так и сегодня — отказ от классически — цельного мировидения — смерть для всякого пишущего: оставайся самим собой. Вот итог..

27.11.2005 г.
Снега нет вообще!

О МОЕМ ПОКОЛЕНИИ

(эссе)

«Когда еще мы сможем позволить себе роскошь снова вырастить такие нежные цветы...»

*Сергей Кара-Мурза
«Литературная газета
№ 49 06.12.2005г.»*

«Он будет мудр только с мудрым, а глухому он ни в чем не поможет», — так сказано о Морисе Меттерлинке в утренней литературной передаче в субботу декабрьского дня.. И еще — от человека зависит увидеть счастье в повседневности, трансформируя события качествами собственной души..

Эти старинные истины Серебряного века, разгаданные более столетия назад, открылись нашему поколению в 50-х, когда начал выходить Александр Блок; и мы узнавали судьбы отцов:

*И жаль отца, безмерно жаль:
Он тоже получил от детства
Флобера странное наследство
Education sentimentale...*

И мы узнавали собственную страну:

*Страна — под бременем обид,
Под игом наглого насилия —
Как ангел, опускает крылья,
Как женщина, теряет стыд..*

Блок — только что! Заново созданный, внезапно и ошеломляюще воскресший для нашего поколения — одарил нас таким водопадом ритма, языка символического и разного, городского и рыцарского, любовного и порывистого, что мы навсегда встали над пошлостью и утлостью бытия в незримых латах гордыни и самоотверженности...

Он предсказал нам неизбежность «Возмездия» — и мы поклялись в этом Великому Гению Слова, всю жизнь неся презрение к «державному шагу революции» пьяных солдат и матросни...

Для Блока Возмездие возникло прологом ухода Толстого, Врубеля, Комиссаржевской...

У нас был уход Пастернака, Ахматовой, Прокофьева... Мы застали и понимали этих гениальных современников своих, насквозь прошедших через Вторую Мировую с божественными нимбами над челом и не уронивших достоинства Творца перед постыдной властью...

С Пастернаком ушла высокая мудрость божественной простоты. С Ахматовой — загадочная трагичность предчувствия национальной катастрофы. Прокофьев — унес солнце надежды, щедро оставив нам энергию последствия светила... Его музыкальный напор составил для нас весь не религиозный, языческий ритм жизни — в технике, в изобретательности, в сценичности, в театральности, в политике — везде, везде:

*Раскат импровизаций нес
Ночь, пламя, гром пожарных бочек,
Бульвар под ливнем, стук колес,
Жизнь улиц, участь одиночек.*

Блок предугадал, как мировой водоворот засосет в свою воронку человеческую личность, подавив в нем все особенное, своеобразное — свободу, тягу к самовыражению, к духовности. Наши несчастные отцы оказались в этой роли, став винтиками в гигантской машине государства...

Но род, испытавший на себе возмездие истории, в своем следующем поколении неизбежно начинает творить свое возмездие, молча и скрытно накапливая по крохам свою индивидуальность, припадая к тайным источникам гордости и силы искусства, его сопротивлению единообразию и построению в колонны.

«Последний первенец уже способен огрызаться и издавать львиное рычание. Он готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо, которым движется история человечества. И, может быть, ухватится за него...»

И мы ухватились! Мы повернули вспять гигантское почти заржавевшее колесо казенной, расписанной на столетия (вплоть до коммунизма) телеги истории, разорвали цепь унижений и подавления Личности, сковывающей ее монстрами псевдонаучных истин и давящей монументами самоуверенных догм...

«Что дальше?» — пишет Блок — «не знаю, и никогда не знал. Могу сказать только, что вся эта концепция возникла под давлением все растущей во мне ненависти к различным теориям прогресса...»

Сегодня, спустя столетия, в декабре 2005 года (а был веком раньше трагический декабрь 1905 года — дата кровавая и страшная, бунтарская и поворотная) мы тоже говорим, испытывая ненависть к открывшейся несправедливости и бесстыдству прогресса: «не знаем и никогда не знали...»

Увы, наши предтечи в искусстве (слове, музыке, в зодчестве и пластике) не были прагматиками... Их испытания было с трагическим финалом... Наш повтор через три поколения — еще более угрожающ и грозит обезлюдить всю отчизну окончательно. Последствия опять оказались не предугаданными, а восторг от свободы сменился куда более жутким ощущением пустоты и бессилия перед спесью грабителей новой формации;

*Но, ты, Художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай...
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты...*

Нет! Прошедший век не прошел зря. Бесстрастье бесплодно, а высокая башня искусства из слоновой кости — это капитуляция перед вызовами времени... Да и сам Блок, и Ахматова, и Пастернак страстно и ювелирно всматривались в идущую трагедию, сами пронесли своей судьбой истинную расшифровку законов сохранения чести, раскрыли подлинный смысл подвижничества при самоослеплении народов...

И он — уже гениально предугадан в финале поэмы «Возмездие», когда, похоронив отца, герой бродит по Варшаве, жаждущей мести, напоенной мезью, запорошенной злобной мезью, и вдруг останавливается перед решеткой... православного собора, построенного «каким-то очень важным вором» (!):

*Когда ты загнан и забит
Людьми, заботой, иль тоскою,
Когда под гробовой доскою
Все, что тебя пленяло, спит...
Тогда — остановись на миг
Послушать тишину ночную:
Постижешь слухом жизнь иную,
Которой днем ты не постиг.
По-новому окинешь взглядом
Даль снежных улиц, дым костра,
Ночь, тихо ждущую утра
Над белым запущенным садом.
И небо — книгу среди книг;
Найдешь в душе опустошенной
Вновь образ матери склоненной
И в этот несравненный миг —
Узоры на стекле фонарном,
Мороз, оледенивший кровь,
Твоя холодная любовь —
Все вспыхнет в сердце благородном...*

Любовь! Вот рецепт технологии спасения мира от скверны — рецепт древний со времен Христа и Сократа, Рафаэля и Микельанджело, но очищенный в столкновениях XX века особым мученическим ореолом...

Только там, где цветок поэзии и любви, даже втоптанной солдатским подкованным сапогом в грязь, в грунт, в глину, не погиб, там, где он уцелел, несмотря на адский пламень атомных вспышек и громовых орудий, там он дал такие могучие всходы, перед которыми оказались бессильны мириады бомб и громовые вскрики опоенных яростью толп национальных фанатиков...

Учение Толстого через Рериха дало всходы в тщедушном теле Ганди — и спасло Индию, которой, казалось, предстояло самоистребление в огне религиозных войн...

Ненасилие возродило Европу после пепелища нацизма и постепенно упразднило границы стран, тысячелетиями истреблявших друг друга в ярости самоутверждения и религиозной распри...

Мечта о любви вознесла Мартина Лютера Кинга на вершину признательности Америки, которой, казалось, суждено было погрязнуть в расистской ненависти и утробной ковбойской жестокости, настоящей на индейской крови...

И только Россия оказалась глуха к своим Учителям Любви: к Чехову и Толстому, Бунину и Лескову, Гоголю и Островскому, Пастернаку и Ахматовой...

Не в том ли состоит сегодня наша Миссия — наш подвиг и Голгофа — чтобы не просто помнить это наследие, но и сделать его Верой и Заветом новой эпохи, подобным «Новому завету» Христа перед библейскими фарисеями?

10.12.2005 г.

ТРИ ПЕЙЗАЖА

(новелла)

Могут ли пейзажи формировать и врачевать характер? Несомненно, могут и в самой могучей степени...

Выросши в лесостепной зоне, я впервые ощутил это волшебное воздействие в подростковые годы, когда внезапно очутился в Миассе, на станции, вокзал которой был вырублен из искрящихся на солнце гранитов, а горы подходили прямо к подножию его стен... Горы впереди, гладь озера — огромная зеркальная чаша — замерла, щемя сердце, сзади, словно громада счастья... В ней я плывал потом многие годы подряд, и, поднимая глаза из воды, неизменно ощущал сквозь влагу, теплое зеленое тело гор, нагретых солнцем... Так могла пахнуть и дышать только родина — участливая, былинная, ласково-смолистая...

Ильмень — озеро Новгородчины превратилось в Ильменское озеро, и аюкалось с древней пра-родиной предков...

Второй пейзаж, позволивший далеко увидеть и охватить глазом даль — это Александровская сопка в зрелые годы удачи, удали, возросшей зоркости, когда с приятелем фотографом в апрельский далекий день, обладая уже колесной техникой, мы добрались не только до подножия красивейшей одинокой вершины, но и легко, играючи взобрались пешком по удобным ступеням на ее скальную макушку утеса и гордо фотографировались, за спиной и перед собой имея почти стокилометровый обзор городов, хребтов, урочищ и всяких дорог — от железных до автомобильных, полных крошечными устройствами для передвижения...

Тогда пейзаж дал уверенность в жизни, (даже излишнюю, как показало будущее), вдохнул тот чистый верховой

кислород разряженной атмосферы, что тонко очищает сосуды от накопившихся сажи и шлаков привычки, глаза заново пригляделись к оттенкам охристых, ряных, киноварьных и аспидных красок на каменных осыпях и сколах древних гор, а душа мысленно перелетала от вершины к вершине на крыльях фантазии, примериваясь как выжить там, внизу, сохранив ощущение полета и дерзости даже в самых обыденных, житейско-обывательских коллизиях, где ничего не стоит пропасть, потеряв способность к обобщениям, к резкой перемене координат и предугадыванию возможных пропастей и провалов...

Много тогда дала мне эта великая сопка, на которой недаром побывали три Императора России. В любом труде, особенно словесном, я взбирался воображением на ее вершину, а сбоку, справа, если смотреть на Златоуст, куда более мощно и снисходительно спокойно высились горбы Таганая и зубчатка Откликного гребня, словно великие классики родной литературы — такие же недоступные и восхитительные, но все-таки уже явственно различаемые в деталях и — главное — близкие, осязаемые, священные и исконно родные...

И вот, в середине седьмого десятка, я — в который раз! — взглянул другими глазами на Таганай с порога старинного дома Горного Начальника в Златоусте...

Отмечалась 190 годовщина образования музея, размещенного здесь давным-давно (оказывается, с 30-х годов предыдущего века). Эпоха Наполеоновского разгрома в Златоусте обернулась обретением редких европейских коллекций минералов, увезенных от узурпатора из немецких земель вглубь России, на Урал, и осевших именно в Златоусте, где на казенном заводе с помощью эвакуированных немецких

мастеров зародилось сабельно-клинковое кузнечное дело, почти легендарное по прошествии стольких веков...

Мы обсуждали с земляками — историками все исторические повороты этой легенды, ныне воплощаемой в весьма прибыльные изделия для богачей и даже среднего класса, а за окнами музея белыми пятнами вперемежку с черно-охровыми смотрелись горы. Под снегом и льдом не смолкала прославленная Громотуха, ставшая поистине источником поэзии для десятков славных поэтов этого уголка Урала, а я все мечтал хоть чуть-чуть полюбоваться пейзажем во время захода солнца... Я редко мог сделать это зимой — и ездить в горный узел стало труднее, и дороги наполнились до отказа глобальным чудовищным транспортом, и день был так короток в декабре, что темнота уже пугала, напоминая о грядущем выводе из эксплуатации данных на время подвижных элементов собственного органа...

Словом, доставленный супер-комфортно в давно знакомое место — знаковое и почти священное для знатоков — я вышел на крыльцо Аносовского дома с такой выстрадавшей тягой к пейзажу, что чуть не задохнулся от радости, когда увидел снова розовый снег на Тагане, пепельный — на Откликном и уже сиреневый — на Александровской...

Они ждали и не ждали меня. Но они не были равнодушны. В них, несомненно, было участие, природа которого сначала была почти не ощутима, но чем пристальней и внимательнее я всматривался — тем явственней мне чудились ее знаки, оттенки, подробности...

Пусть кому-то покажется, что дальнейшая моя игра воображения излишне вычурна и навеяна ощущением прожитых в этом крае лет, возрастом и предстоящей немощью;

нет, честное слово — я не преувеличиваю своих недостатков. Написав много книг и пережив возмужание на глазах нескольких поколений земляков, я с годами старался услышать подлинный язык Природы, обращенный к нам...

И именно в те секунды, даже, пожалуй, минуты, пока мы медленно шли к столовой — голодные за семь часов дискуссий, исторических открытий и удивлений от горного гнезда подвижников этой земли — именно тогда, не отрывая глаз от стремительно уходящих во тьму короткого заката гор, я точно уловил их зов, обращенный ко мне...

И он явственно говорил мне... о восхищении ими... страшно сказать... моим достоинством... Горы уважали меня!. Меня — крошечную частицу этой земли. Одного из миллионов особей, прошедших и исчезнувших в этом пространстве, канувших бесследно и молча в сугробах этих зим...

Сугроб — недаром значит «сугубый гроб», беспмятство, бесследность... А горы успокаивали меня, ласково и доверительно сравнивали мой прожитый путь со своим геологическим временем... Они позволили людям насилия над собой. Они без сопротивления предоставили свои жилы и скрепы, чрева и кожу в жадные, а иногда — неблагодарные руки нашим дедам и прадедам, отцам и братьям, не ожидая от них ни сочувствия, ни жертвенных возлияний, ни священных обрядов благодарения.

Но горы говорили именно мне: ты — на верном пути, уважай себя и не сори своей жизнью. Сколько бы ее не осталось, ее всегда будет мало, если ты не извлечешь бессмертия от нашего присутствия всегда в твоей жизни...

Храни в себе это ощущение вершин, заснеженных в отвесах заката и обволакиваемых мраком подходящей

ночи... Тебя самого скоро поглотит тьма, но у тебя есть еще несколько мгновений — ибо, чем выше твой дух — тем дальше луч солнца удержится в твоей душе, тем крепче будет твоя строка в архаике осмысления времени, выпавшего на твою долю...

Так симфония Бетховена открывается заново только седеющим слушателям, много — много раз слышавшим и вот где-то под старость открывающим ее потаенный смысл вопреки объяснениям музыковедов...

Так оды Державина пленяют нас старинным смыслом великого цельного постижения мира вопреки торопливым школьным программам, сминающим екатерининский век в несколько куцых строчек...

Так псковская икона пленяет знатока пост-модерна, внезапно осветив смысл молений и побед предков, не знавших иных звуков, кроме дудок и бубнов...

Нет, пейзаж в горах Урала — это не фотографии на «Кодаке» и не взгляд из окна экспресса. Голос его способен услышать не всякий, как, впрочем, и не всякий способен задуматься об этом бренном мире...

18.12.2005 г.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Пришло бессмысленное время,
Мы откатились на века,
И к наслаждениям стремленья
Равняет с умным дурака.

Труд не в чести — обман в почете,
Сльвущий доблестью почти,
Словесность сникла в анекдоте,
А мудрость спряталась в очки...

И вес же смысл событий ясен:
Затмению истины не быть,
Шекспир по прежнему прекрасен,
А юность пробует любить..
18.12.2005 г.

ДРУГУ

А. Садакову

Зачерствелою коркой не зря
Человечество помнит былое,
Вопреки, а не благодаря
Всем вождям в глубине аналая..

Нам-то выпало время не злое:
Только крупную дичь егеря
Добивают в глуши пустыря,
Нами брезгуя, друг мой, с тобою..

Там серьезно дележка идет —
Незаглотных кусков не исчислить.
Им не нужен наш маленький плот
Вместе с воблой засушенной мысли.

Но зато мы вольготно плывем,
Не заметив, что сух водоем..
18.12.2005 г.

ДУША

Душа хотела быть звездой,
Но не умела как,
От быта связана уздой
Чуть пошловатых врак...

Сама себе невольный враг —
То розою, то резедой
Псевдо-плененна красотой,
Где есть лишь свет и мрак...

И, сострадания не зная,
Печали не испив,
Она имела гордый нрав,
Природе не служив...

И не гореть душе такой
Не в здравие, не в упокой...
19.12.2005 г.

ЕЩЕ ОДИН ЕРАЛАШ

«Маэстро, Вас ожидают на выходе, прошу Вас — поторопитесь», — прошептал мне заговорщицки знакомый мне молодой человек в очках, и потянул меня из темноты зрительного зала вниз, ибо сидел я высоко в амфитеатре и вовсе забыл, что меня пригласили за город вместе с киноактерами во дворец прекрасной черноокой красавицы — обладательницы всех мыслимых и не мыслимых современных достоинств...

Пулей я выскочил из зрительного зала, где не хлебом единым жили герои моей далекой юности, и послушно промчался к стоящей у кинотеатра машине — ладному микроавтобусу на десяток комфортных сидений, где сидели покорно пожилые дамы — отнюдь не киноактрисы с узнаваемыми экранными лицами, а обыкновенные киноведки, кинокритики и мыслители со степенями и званиями, отнюдь не интересующими простодушную провинциальную публику...

Но это были добрые породистые люди, и я вполне готов был с ними провести время во дворце энергичной дамы, любезно пригласившей всех подряд гостей с кинофестиваля в свое загородное имение...

Было уже поздновато, по декабрьски темно, прошел дождь, переходя в сплошной гололед, и ездить и ходить стало опасно, но я любил любые испытания, видя в них естественный отбор и игру проверки на стойкость, без которой нет реального мира естества...

«Куда мы едем-то», — зашептала мне приставленная от администрации чиновница, женщина добрая, но всегда словно испуганная, как будто ее завтра непременно уволят... И правда — кино то было, то исчезало, то снова пульсировало, то опять выбрасывалось из культуры. Будешь

тут синусоидой, тем более — на кинофестивале, где все гости из Москвы.. «Едем в поселок птицефабрики», — бодро сказал я, и вспомнил, что был там, во дворце нашей очаровательницы, лет этак пять назад и смутно помню дорогу: «Давайте, позвоните ей, вот телефон»..

Очаровательница была, естественно, дома и что-то долго объясняла шоферу — куда и как ехать..

«Ой», — вспомнила чиновница, — «еще в одной машине ехать хотят к ней..» — и перечислила актеров настоящих, и режиссеров, среди которых и автор знаменитого «Ералаша» господин Г. — шутник и забавник известный всем и каждому, кроме — как выяснилось — меня, грешного..

Договорились они по телефону о встрече на КПП из города — и мы полетели мигом.. Ночь, огни, гололед, джипы и ослепительные фары, жутковатость и поспешность — все, как всегда в этой бесшабашной стране..

Подъехали к КПП. Встали. Ждем. Курим с шофером на свету фонарей, где видно номер. Бегаю в кусты по нужде, лопочу о чужом богатстве и комфорте дома, хозяевах и наших знаменитостях, а время ползет к полу-часу, и холодно..

Снова звоним — отвечают, что едут, что их останавливала милиция, что гололед и опасно, но ждать надо.. Наконец, подъехали, и все рванули вместе — на десять км ходу..

Сижку, рассказываю о всемирном короле макарон и вермишели, ставшем мэром города, о его загородной фабрике, рядом с которой дворец очаровательницы, что умеет и петь, и водить машину, и вести маркетинг вермишели, и быть хозяйкой сверхсовременного дома с бассейном, двумя этажами роскоши, каминами и саунами, только время идет — а люди уже замерзли и им совсем не до моих эпитетов и натужных сравнений..

Шофер снова говорит по телефону и бубнит о повороте, который нельзя пропустить — и мы точно сворачиваем, пролетая мимо ярко освещенных башен вермишельного короля, который стал хозяином города, принимавшего фестиваль и современных кумиров толпы, давно уставшей от обманов и вновь впадающей в него, как в наркотик..

Наконец, влетели, куда-то свернули, где-то встали возле шикарного коттеджа без адреса и опознавательных знаков. Память мне ничего не подсказывала, и я попросил шофера еще перезвонить, чтобы хозяйка вышла..

Но очаровательница не выходила, и всё по телефону толковала шоферу о магазине, о развилке, о высоком ярком фонаре с абажуром.. Такого рядом не было.. Увы!

Все ходили вокруг машин и ругались, замерзая и приходя в ярость, что их не встречают..

А вы вообще-то были в современных коттеджных поселках, где тысячи разных непохожих дворцов с запорами, собаками, гнутыми решетками и шикарными машинами, и все — одинаково — непохоже и — в то же время — стандарт иной эпохи, иной поры..

«Почему бы ей не выехать к нам и не направить на верный путь», — громко возмущался кто-то, наиболее уставший и затурканный ездой по городу, поисками и безлюдностью сих загородных гетто новой эпохи..

Шофер что-то уяснил по сотовому, и кинулся в кабину. Все сели обратно, отчаявшись выбраться из этого лабиринта и отдаваясь на милость судьбы..

Взад — вправо — влево — через рощу берез — ба, да это я помню, — возликовал я, и, едва машина встала, кинулся к внезапно знакомой калитке..

«Р-р-р» — зарычала овчарка, и, гремя цепью, полетела ко мне... в открытую калитку. Я оторопел — пасть оскалиной псины в пол метра от лица отрезвила меня.. «Иду — иду!» — с другой стороны зазвучал голос хозяйки, а муж вышел на освещенное крыльцо, радушно разводя руками..

Увы, сколь потом не пытались хозяева задобрить разозленную московскую элиту застольем или баней, анекдотами и тостами — оледенение так прочно сковало уста высокопоставленных кино-деятелией, это только плоские шутки и побасенки создателя «Ералаша» господина Г-ского кое-как удержали ситуацию на какие-то жалкие пол часа. Апогеем стал анекдот о попадании в Рай трех русских женщин, коих архангел Гавриил предупредил: «У нас здесь свое производство — не навредите, а то возмездие будет ужасно»..

И правда — в раю негде ступить от инкубаторских желтеньких утят... одна наступила неловко — и задавила. Ей в расплату дали уroda — мужлана... Другая от того же происшествия — уroda куда более вонючего, и без руки... А третья ходила чуть ли не на цыпочках, и долго — долго держалась, гордясь собой... А когда все таки наступила, поломав лишь крылышко утенка — ей явился красавец — с нимбом над головой... «Это мне в награду за осторожность!» — воскликнула она, благодарно... «Нет, я импотент, — ответил он, — но, увы — тоже наступил на утеночка...»

Хохот и смешки под этот анекдот оказались и финалом гостеприимной процедуры, полной обид, недомолвок, которые всегда получают в ожидании райских удовольствий... Правда, все хотели как лучше.

19.12.2005 г.

* * *

А. Д-ой

Не дай нам бог претендовать на лавры
Любых регалий истины живой:
Мы жить должны, как древние кентавры,
В гонениях не сникнув головой..

И пусть не оглушает нас конвой
Ударами сомнительно в литавры —
Пусть даже вымрем мы, как динозавры,
Но не отступим мы с передовой..

В разврате государственного слома,
Где взлом соперничает с ложью натошак —
Награда есть подобие истомы,
Как подлостью наполненный дензнак..

Не дай нам бог претендовать на лавры,
Коль не хотим попасть в прислуги — мавры..
20.12.2005 г.

Тема вытекала из длительной беседы во время экскурсии по городу с Алой Сергеевной Демидовой — великой актрисой исключительной нравственной шепетильности..

ВЗГЛЯД — 1

Город взглянет на тебя
 Специфическим манером —
 Вспомнишь, как был пионером,
 Юность сладкую любя..

Не обидно за себя
 Даже перед милиционером —
 Пусть и не был ты примером
 Славных стойкостью ребят..

Только девичье лицо
 Вдруг ожжет тебя бровями,
 И румянцем над глазами
 Замыкается кольцо:

Ты растаешь и в морозы —
 Вызывает память слезы..
 21.12.2005 г.

ВЗГЛЯД — 2

Когда в обыденности бега
 Предновогодней суеты
 Вдруг натыкаешься с разбега
 На столь знакомые черты —

Первоначально — изумленье:
 Двойник? Иль подлинно — Она?
 Той давней юности виденье
 Самой судьбой повторена..

Румянец, броскость, миловидность,
 Нездешность, лучезарность глаз —
 И вдруг понятна очевидность
 И судьбоносность в этот раз..

То Бог напоминает мудро
 Ее значение в судьбе:
 Она была мне жизни Утро
 И навсегда нужна тебе..
 21.12.2005 г.

РАССТАВАНИЕ С ШЕСТИДЕСЯТНИКАМИ

Пятый фестиваль кино в родном городе миновал, утолив телесно и духовно так, что я почти двое суток спал подряд, лишь к вечеру воскресенья отойдя от пестроты и какофонии произошедшего...

А есть о чем поразмыслить, и прежде всего — о гениальном взлете почти ровесников — титанов сцены Михаила Казакове и Алле Демидовой, сыгравших в исключительном фильме «Смерть Таирова»...

Создатель этого фильма Борис Бланк сразу бросился мне в глаза при первой встрече: старый, с взъерошенными седыми волосами, подвижный, стремительно пьющий еврей того типа, что называют «вьедливый»... Он пил водку стаканами, хотя до выхода на открытие фестиваля оставалось.. десяток минут. А он раскраснелся, взъерошился, сердито спорил с молодыми спутниками — столь броскими и обще — российски — известными, что был контрастом столь резким, что я невольно залюбовался им: «Вы, дураки, стопроцентные идиоты — идете на поводу успеха. Грош вам цена — вас забудут завтра. Работать надо на упреждение, на десятки лет вперед», — орал он, цинично и презрительно глядя на лошенок мальчиков, баловней успеха взлетевших на сериалах и бандитско — вестерной волне...

Мальчики были хороши: Харатьян — белокурый кумир миллионов, Певцов — атлетически сложенный и неприступно — загадочный... Они сорвали громовые аплодисменты зала своими песнями, жестами, лихостью и раскованностью...

А Бланк вообще стоял в шеренге кинозвезд тихо и скромно, лишь после, на банкете, опять о чем-то спорил, раздражал, вызывая у всех аллергию и антипатию...

А через два дня на премьере фильма, о котором мечтал почти всю жизнь (он был в кино художником, как и в театре на Таганке) он раскрыл свой замысел:

«Я мечтал снять фильм о последнем гении нашего театра — и я снял его благодаря Мише и Алле», — скромно сказал он...

И фильм был бесподобен, словно воскресив для фашистской Италии древнюю эпоху гигантов Возрождения, эпоху Челлини, Боттичелли и Брунелески...

Неужели это было в нашей стране в конце сороковых — античная трагедия в стране натурализма и бытовухи, высокая пафосность — во времена практицизма и приспособленчества...

Казаков и Демидова дали несгибаемые характеры такой стойкости и ответственности перед человечеством, что становилось стыдно за себя, за свои колебания и уступки в дни переворота сознания, приземленности идеалов и сомнительности добродетели...

Нет, это было на этой земле: классическая героика философского театра, мифическая трагедийность, обнимающая тысячелетия сопротивления исполинов духа всяким фанатикам и обывателям, приспособленцам и слабодушным...

Оба моих кумира играли не Таирова и Коонен — они лепили свою линию жизни, свою окрыленность и вершинность взлета в дни оподления и пресмыкательства, исчезновения понятия правды и стертости пафоса Личного Подвига...

Все остальное на кино-показе было мелким и вторичным, пошловатым и коммерчески-просчитанным...

Только эти две фигуры потрясли меня, ибо я чувствовал — какой излет поколения вызвал, вылепил, взлелеял эти две роли...

Назавтра я подарил несравненной Алле Сергеевне свою книгу стихов и постарался так рассказать ей о моем родном городе, чтобы она поняла мою степень обожания ее Личности, ее пути в искусстве, где от Марии Спиридоновой до Алисы Коонен — вся галерея великих женщин России...

Кстати, по приезде в наш город, поскользнувшись, она сломала руку, на которую был наложен гипс, но она не подавала даже виду о своих мучениях, отказавшись от провозжатых. И только со мной ходила по городу под руку, осторожно скользя по льду, каким покрылись в эти дни каменно-брусчатые тротуары наших обновленных коммерсантами улиц...

Когда я рассказал ей, как мы восстановили колокольню на Троицком Соборе и произвели первый колокольный звон по октавам древних звонниц, она перекрестилась и сказала печально: «Не каждому дано такое — я рада за Вас»...

Это было лаконично и хорошо. Такое остается надолго, ведь мы — звенья одной цепи, одного поколения. Знаменитые и незначительные. Прославленные и безвестные. Мы делали одно дело... И вот мы уходим со сцены жизни. По разному, но уходим. Останется ли след...

25.12.2005 г.

Католическое Рождество

СВЯТЫЕ

В пространстве исчезающем культуры
Я вижу силуэтами едва
Укутанные складками фигуры,
Мне от которых глаз не оторвать...

Иголкой грубо строчена канва,
Цвет их плащей сиреневато-бурый,
А лица озабочены и хмуры,
А губы шепчут чудные слова...

О чем слова... О чуде Воскресенья?
Или о Боге — гневном и благом?
Иль о Природе, ждущей Возрожденья,
Затоптанной солдатским сапогом...

Туман вокруг, как смог от индустрии,
Но четок круг, и все они — святые...

26.12.2005 г.

«ЕВРАЗИЯ»

Разноглазая Евразия,
Вожделенная земля,
Где сбываются фантазии
Золотые вензеля...

Кочевая и железная,
Где курганы и кресты,
Где вершины рядом с безднами
Исполинской красоты...

То мечами ты размечена,
То огнем опалена,
То наукой онемечена,
То в ислам обращена...

Но всегда котлу подобная,
Закипающему вновь,
Разъяренная и злобная,
Свято чтущая любовь...

Ты — праматерь дерзких варваров,
Вольнолюбства и мечты,
Вся пронизанная кармою
Солнцеликой чистоты...

Сколько этносов ты спавила,
Сколько выпестовала рас,
Неизменно чтя за правило
Лишь презренье к цвету глаз...

Эпос — этносу подножием,
Этнос — эпосу собрат,
Сколько рас ты уничтожила
За презренье полный взгляд...

Как воспеть тебя, могучая
Тьмы народов колыбель,
Угадав и неминуемую
Сверх естественную цель:

Как, отбором в испытаниях,
Крестоносцам вопреки,
Сохранить себя в страданиях
В волнах времени — реки...

Как, поэтами воспетая,
Ты попрежнему, как миф,
Огне-пламенно-секретная,
Как ракеты в космос взрыв...

ФЛЕЙТЫ КУРГАННЫХ СВЯТЫНЬ

Не зная роздыху, мы мчались
А он — привязанный — молчал,
Уже не ведая печали,
Уйдя к началу всех начал..

Что это скачь обозначал
В степях безлунными ночами,
Когда мы под карагачами
Нашли пристанищу причал..

Мы опустили друга в землю,
Курган насыпав у реки,
Поскольку степь легко приемлет
И сберегает костяки..

Не осквернить ни зверь, ни враг
Того, кто был при жизни дорог..
27.12.2005 г.

НАЗАД ПОЧТИ ПОЛВЕКА

Женщина в светлом пальто.
Возле кудряшек — куница.
Падает снег, и за то
Как мне в тебя не влюбиться..

Что для меня за граница —
Рядом куницы манто,
Мяжки и молоды лица,
Нет ни детей, ни авто..

Как пронеслось это время —
Ты, как принцесса была,
Мальчика чувствуя бремя,
Я — погруженный в дела..

Как мы себя пропустили —
Или беспечны мы были..
27.12.2005 г.

* * *

Как же беспечны мы были,
 Даже печи не имел,
 Как мы ночами любили
 Слезы, и споры, и гнев..

Был Окуджавы напев
 Нам и легендой, и былью,
 Слов исходя изобильем,
 Врал я, на койку присев..

Ты укоряла, пытала,
 Жгла, уступала — и вновь
 Из золотого металла
 Плавилась наша любовь..

И, остывая, шипела,
 Ввысь испаряясь от тела..
 27.12.2005 г.

СОБАКА И ТЫ

Собака, как и женщина, ревнива,
 Дотошна и пленительна в любви,
 И в страсти обожанья тороплива,
 И ждет кормежки, только позови..

Мы тайны не откроем им в крови —
 Мужчины вдохновенны и красивы,
 Порою мы надменны и спесивы,
 Зависимы от чисел роковых..

Игрою вожделения вплетенны
 В невидимый и страстный хоровод,
 Мы каждым их движением смятенны,
 От болей ищем в них громоотвод..

И в этой круговерти наших связей
 Нас связывает ниточка фантазий..

01.01.2006 г.

02.30 ч.

ТАЙНА ЛЮБВИ

Профану просто недоступны
Секрет устойчивой любви,
И тайна скрытая поступка —
Уступка в играх роковых..

Удар — защита. Перемена,
И декораций. И тонов.
И предвкушение измены,
И непременно — тайна слов..

И пауз длительная связка,
И одиночество двоих,
И вдруг, как оторопь, развязка,
Когда Амур, казалось, стих....

01.01.2006 г.

02.40

* * *

Не верь что кривда победит..
У правды есть свои законы,
Свой благочестья алфавит,
Свои сердечные резоны..

И, простодушная на вид,
Она объемлет горизонты,
И даже чаще промолчит,
Когда вещает спесь с амвона..

Так староверы — кержаки
В леса от кривды уходили,
И в нравственной остались силе,
А сгнили в зле большевики..

Пусть нынче алчность у руля —
В любви устойчива земля..

01.01.2006 г.

9.30 утра

РУССКАЯ ИДЕЯ

*«Духовной жаждою томим
В пустыне мрачной я влачился...»*

Пушкин. «Пророк»

Духовной жаждою горя
Народ когда-то свергнул иго
Степного дикого царя
Во имя слов священной книги.

А через несколько веков
В сопротивлении полякам
Во имя тех священных слов
Он в небе зрил знамений знаки...

Его младенческий наив
В уединении природы
Во всем искал один мотив —
По совести искать свободы.

Отверг ли он потом царя
В своей стране иль комиссара —
То он искал совсем не зря
Духовного святого дара...

И даже нынче, в страшный век
Коммерческих и хитрых выгод,
Исполнен русский человек
Совсем не личною интригой.

Он жаждет воплотить закон
Той справедливости природной,
Что мы терпением зовем
В контрасте с наглостью свободной.

Он понимает — ход веков
Всегда несет в себе возмездье
Тому, чей разум бестолков
В заразе жадности болезни.

Через столетья и века
В смутяньстве, в битве иль в пустыне
Народ Руси наверняка
Свою идею не покинет.

Будь осторожен, Человек,
Перед величием Природы,
И, в Космос направляя бег,
Страшись разнузданной свободы...

04.01.2006 г.

ЯНВАРСКИЙ ЗАКАТ

Галки и вороны
 С криком похоронным
 На березе треснувшей сидят..
 Я не посторонний,
 Но этот грай вороний
 Душу мне тревогой бережат..
 Снег белее мела,
 Небо побледнело,
 Месяц прояснился января,
 Жизнь прошла мгновенно,
 Слышен запах тлена,
 Кажется — все сделано зазря..
 Но души основа
 Выше прописного
 Страха тела пред небытием,
 Пусть кричат вороны —
 Дух неутомонный
 Зорко смотрит в хмурый окоем..

*Рождество
 6—7 января 2006 г.
 лес за городом*

КУЗЬМИЧ

(тост, или речь, или спич...)
 к 80-летию А. К. Ташева

Проза — негодный материал для юбилейных поздравлений.. Тем более, что предполагает чугунную развернутость во времени и железо-бетонную устойчивость формулировок.. То ли дело — летучая поэтическая строфа, свертывающая века и мгновения в единое одушевленное целое..

Увы, наша почтенная Университетская газета предложила только краткие рамки именно и непременно прозаического опыта для портрета самого уникального и вдохновенного таланта нашего вуза — славного Александра Кузьмича Ташева, имеющего в глазах всех в него влюбленных коллег точное наименование — код идентификации, знак качества — «наш Кузьмич», роднящее его с вековой династией всех остроумных и находчивых Кузьмичей — народных мастеров своего дела — в нашей многовековой истории, где «подкузьмить» всегда было признаком недюжинного интеллекта и тайной введливости в проблемы несоответствия должного и сущего в реальной действительности..

Таким именно был и остается Кузьмич для нас — всех, кто попадал в орбиту его неповторимо-скептической улыбки, столь контрастной с его официальной должностью — проректор, заведующий кафедрой, заслуженный деятель, основатель школы, теоретик плановой экономики, учитель десятков талантов и сотен дилетантов и т. д. и т. п.

Да, Александр Кузьмич всегда не совпадал с шеренгами послушных и стертых до блеска его воспитанников. Он словно вышел из эпохи Смутного времени, где только что все добросовестно и простодушно предавали друг друга, искали доброго царя и хитрили в уловках — как повыгоднее кому продаться..

Но он среди них был единственным рыцарем бескорыстия и родовым аристократом нравственной стойкости перед всеми способами подкупа и рыночных конъюктур...

И сегодня — я знаю — он остается тем же, каким и был — витязем недоступного никому в нынешнюю эпоху тончайшего баланса Силы и Мудрости, обладателем тайного знания ДОЛЖНОГО И ВОЗБРАНЯЕМОГО, умеющим чувствовать отдаленные последствия как своих собственных поступков, так и конвульсивных шарашаний всего того общества, среди которого он прожил столь триумфальный по сохранности души и разума срок...

Нет в утлом прозаическом обороте нашей выхолощенной речи технократов таких слов, какими можно было бы воздать должное столь необыкновенно-контрастному ИНТЕЛЛЕКТУ, чье мощное влияние за пол века сотворило из нас — вчерашних винтиков эпохи и даже номенклатурной челяди — нынешних более менее пригодных подвижников технико-гуманитарной Армии, именуемой ЮУрГУ — лучшего и величайшего вуза страны, состоявшегося как мощный интеллектуальный авангард нынешней эпохи крутых перемен, в сердцевине которого — великолепно выстроенная технология жизни «по Кузьмичу»...

В России надо жить долго — это общеизвестно. Но в России надо жить и по «по Кузьмичу», если не хочешь попадать впросак при каждом явлении дураков на политической арене или менять походку при появлении на встречном пути очередного «власть предрежущего» теперь уже в инвалидном виде...

Кузьмич — в расцвете сил и мудрости. Он сам — тому ярчайший образец и, по моему, ЖЗЛ-овский персонаж.

Здоровья Вам, дорогой Учитель Жизни!

12.01.2006 г.
г. Челябинск

СОДЕРЖАНИЕ

31 ДЕКАБРЯ.	
ЗИМНЕЕ УТРО ЛУННОГО БЛЕСКА	
«Луны неоновый фонарь...»	5
«Сплетенье вологодских кружев...»	6
«Зане мы преклоним главу...»	7
«Слушая известия о последствиях...»	7
«Столетие отца...»	8
НОЧЬ РОЖДЕСТВА	
«Проснулся я... По радио звучал...»	9
«И стало мне спокойно на земле...»	9
«Шепча слова молитвы наизусть...»	10
«Снегов искристых белизна...»	11
ДВЕ СОСНЫ	12
«Зажигая свечу в тишине...»	13
РАЗМОВКА № 10.154...	14
ЖЕНЩИНА — ПРАМАТЕРЬ	
«Дана нам жизнь на мимолетный срок...»	15
«Нам не уйти, захлопнув дверь, из дома...»	15
«В победном жить нельзя ажиотаже...»	16
«Что были времена патриархата...»	17
«Лишь женскому пригляду и совету...»	17
«Так будет — или нет — не знаю, право...»	18
«Есть между нами тайна роковая...»	19
«Что выше — дочь и судьба?»	20
ПАМЯТИ ВОЛОДИ ТЫХМАНОВСКОГО	21
МОЛИТВА О ПРОЩЕНИИ ГРЕХОВ	23
ВСЕЛЕННОЙ — 1	24
ИЗ СТИХОВ ПРОШЛОЙ ПОЕЗДКИ	

В МОСКВУ	25
ПЕСНИ ТРИНАДЦАТОГО ПОЕЗДА	
«Даруй нам, Господи, прощенье...»	26
«Звенит озябшая зеница...»	26
«Как старый рельс, щербатый от ударов...»	27
«Мы въезжаем в царство Смерти — ...»	28
«От Уфы до Челябинска — ...»	29
«В стране Виринеи — ...»	30
БАЛЛАДА О ПОДАРКАХ	
«А наш корабль по прежнему плывет...»	36
КАК ГУЛИВЕР — ГУЛИВЕРУ!	37
РАЗГОВОР С НЕСВЯТЫМ ДУХОМ	38
СОНЕТ О КОШКЕ	39
В. КОРОЛЕВУ — В ДЕНЬ 50-ЛЕТИЯ!	40
ОДА ВСЕЛЕННОЙ	41
ЗАКАТ ЗИМОЙ	42
К 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ	43
ОДА ЗАПЛАТАМ	44
ЛАГЕРЬ ДЛЯ РУССКИХ	48
ЭПОХА ГОСПОДСТВА НЕДВИЖИМОСТИ	49
РАЗМЫШЛЕНИЕ О СОБАЧЬЕМ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВЕ	50
«Снова прибыл милый сын...»	54
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПИСЬМАМИ ОТЦА	55
НАТАШЕ	63
ТЁЩЕ — 89 ЛЕТ	63
АНЮТОЧКЕ МОЕЙ	75
ЕКАТЕРИНЕ II — КАТЕ II?	76

ОТЦЫ И ДЕТИ	
«Чему отцы нас могут обучить...»	66
«Отец, отец, как поздно понимаю...»	66
МИФ	67
«Написаны письма, приветы...»	68
СЫН	69
«В России — если битва — то молитва...»	
«Зачем на свете звери — птицы?»	71
«Ее величество Ворона...»	72
«Птицы созданы для деревьев...»	72
БАЛЛАДА О СНЕГЕ ВЕСНОЙ	
«В пургу в апреле на Урале — ...»	73
5 АПРЁЛЯ!	75
ИЗ МОСКОВСКОГО ЗАЛА МУЗЫКИ	76
«На низкой ноте взрезав филигранью...»	78
«Ну вот — ты и понял, когда твой конец...»	79
ПАМЯТИ РУДОЛЬФА ЧАПЦОВА	
«Нет больше друга у меня...»	81
«Баллада о сломленной ветви...»	81
«Не сразу понимаешь очевидность...»	83
«Веселый умер Человек...»	84
«Очаровательный жуир — ...»	85
«Нет звания — гвардии интеллигент...»	86
Стеснительность — перед бестыдством — ...»	86
«НИКТО НЕ МОЖЕТ ЗАМЕНИТЬ...»	87
«Как хрупки ветви ивы в мае...»	
КРЫЛАТКИ КЛЕНОВ	88
ДЕНЬ ПОБЕДЫ 9 МАЯ 2005 Г.	89
УФАЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ	90
МАТЬ — ЛИЯ. АДЕЛЬ И АРКАДИЙ — ДЕТИ ЕЕ	96

ПЕЙЗАЖИ	98
УФАЛЕЙСКИЙ СОНЕТ	99
МЫ ВСЕГДА ПРАВЫ	
ИЛИ БАЛЛАДА О СПЛОЧЕННОСТИ	100
ОТЕЦ И МАТЬ В АРХАНГЕЛЬСКЕ	102
ПОПЫТКА САМОАНАЛИЗА	103
ПИСЬМА ОТЦА	104
ВСТРЕЧА С РОВЕСНИКОМ.. ..	105
СЕРГЕЮ РАСКИНУ	106
СОЛОВЬИ И ЛЯГУШКИ	107
СОБРАТЬЯ (ЛИ?)	108
В МАНЕРЕ СТАРИННОГО ВАЛЬСА	109
ГОЛУБИНАЯ СИМФОНИЯ	110
«Сентиментальная эпоха...»	111
«Воркование и трели...»	112
НА РАЗВАЛИНАХ ИМПЕРИИ	113
СЛУГИ ЗЕМЛИ	
«Мы — слуги земли! Не случайно...»	114
«Отнюдь не для личной свободы...»	114
«Живое и смерть — симметричны...»	115
«Наследуя данную Землю	116
«Спасенья не знают иного...»	116
ЗАЛОЖНИКИ ПРОШЛОГО	118
«Да, сорок лет я знаю это тело — ...»	121
«Как родину любить мне не постыдно...»	122
РАССВЕТ	123
В ЖАРУ	124
В УСАДЬБЕ	125
ДВА ВНУКА	126

РЕКВИЕМ — ПРИЧИТАНИЙ	
«Единственная женщина, которой...»	127
«Да, то что чудится загадкою в природе — ...»	128
«И тени не извело лукавства...»	129
«Не видел я сильнее человека...»	129
«Она была полна высокой чести...»	130
«Закончен путь... Осиротели внуки...»	130
«Весь день в июне плакала природа...»	131
«Под благовенья ладана с молитвой...»	132
БЛАГОДАРНЫЕ СОНЕТЫ МОЕЙ ЛЮБИМОЙ	
«Благодарю тебя, мой друг...»	133
«Твоими смотрит мир глазами...»	133
«Терпенье теплое травы — ...»	134
«Бесценных прежних дней итог...»	135
«Способны пробудить душевность...»	135
«Любовь из бездны сотворив...»	136
«В январь спасая, как апрель...»	136
«Да, распей дух в дому умолк...»	137
ПО МОТИВАМ БАШКИРСКОГО ЭПОСА	
«УРАЛ-БАТЫР»	138
СЦЕНА ИЗ ЭПОСА	
«ХАУБАН И НАРКАС»	143
В ЗАБРОШЕННОМ САДУ	146
СТИХИ ИЗ СТАРЫХ	
ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК	148
МЕХАНИЗМ ВЛАСТИ	150
БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ	152
ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ	153
УЧИТЕЛЯ	154
КУРГАН	155
В. В. ПАНТЕЛЕЕВУ	156
«В час испытаний крепости души...»	157

ВЫПИСКИ ОБ АЛЕКСАНДРЕ I БЛАГОСЛОВЕННОМ	158
РАСПЯТИЕ	162
ПЕТРОВ ДЕНЬ	164
«Спасибо Вам, что обрели кормило...»	165
СУМРАЧНАЯ МОЛИТВА	166
НЕ УНЕСТИ	167
«Азиатский плевок — о бесстыдного детства привычка...» ...	168
«БЕСКОНЕЧНОСТЬ И НЕИЗВЕСТНОСТЬ»	169
НАКАЗ СЕБЕ	170
МОЛИТВА БЕССИЛИЯ	171
«Наш мир загадкою хорош...»	172
О СТАЛИНЕ	173
БАЛЛАДА О ГОЛУБЯХ	175
ОБ ЭТИХ СТИХАХ МОИХ	177
КОНТРАСТЫ	178
НЬЮ-ОРЛЕАНСКИЕ СОНЕТЫ	
«Люблю, Америка, твой дух...»	179
«Вы помните, вы все, конечно, помните...»	179
«От той поры мы отступали медленно...»	180
«Да, страшен мир, насилием нагруженный...»	181
У СЛОМАННОЙ КЛЕТКИ	182
ОГНЕННЫЙ ЗАКАТ	183
ДИКАЯ ЯБЛОНЯ	184
ПАСТОРАЛЬНЫЙ ПЕЙЗАЖ	185
«Бесконечно прекрасен октябрь...»	186
БАЛЛАДА О КОШКЕ	187
КОШКА — 2	189
РАБА	190
О ШИПАХ	191

ОПРАВДАНИЕ СУДЬБЫ	192
ЖЕНЩИНА ВО СНЕ	193
БАНКЕТЫ	194
ЗЛОВЕЩИЕ ВЕЩИ	195
ПОСРАМЛЕНИЕ ИЗУВЕРОВ	196
КОНТРАСТЫ	
ВСТУПЛЕНИЕ	197
ПОД НЕБОМ	197
ПРИГОРОД — 1	198
ПРИГОРОД — 2	199
ИНФРАСТРУКТУРА	199
АРГАЯШ	200
РАЗЪЕЗД	201
ОТКУДА	201
СНОВА ГОРЫ	202
СКЛОН	203
СЕДЬЕ ГОРЫ	203
КОНТРАПУНКТ	204
БАЛЛАДА О СТАРОМ ПСЕ	
НОЧНЫЕ МЫСЛИ	207
СЛОВО	208
МЕД ЖИЗНИ	209
НАЕДИНЕ	210
ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ РЕШЕТОВА	
«Я видел этого поэта...»	211
«Торопливая дева — судьба...»	211
«Соратником Природы быть даною...»	212

«В дикой сложности бытия...»	213
«Я не знаю — сколько велики...»	214
ОПЯТЬ	215
СИНАГОГА	219
БАШКИРСКИЕ МОТИВЫ	
«Благодатные горы Урала...»	222
СОННЫЕ ВОДЫ	223
РЕКА АЙ	223
НА СОЛНЦЕПЕКЕ	224
СЛЕПНИ	224
ТОЧКА КИПЕНИЯ	226
КИПЯЩИЙ КОТЕЛ	227
ПУП ВСЕЛЕНСКИЙ	228
ВАЛЬС НА ВОДЕ	229
ПЕЩЕРА «КУРГОЗАК»	231
ВПАЛАЯ ГРУДЬ	232
НА ПЛОТУ	233
УТЕСЫ ПРИТЕСЫ	235
КОНТРАСТЫ КЛИМАТА	236
ПЕЩЕРНЫЕ ПЕРИОД	237
СУДЬБА ПОРОГОВ	238
МОЛЕНИЕ О СИКИЯЗ-ТОМАКЕ	
«Пещерный город над рекою — ...»	239
«Природы не присяжный суд...»	239
«Он носит имя «мудрый змий»...»	240
«Любовь их мудростью крестила...»	241
«Да, в гибель лишь открыта дверь...»	241

«Кладя всем цесарям предел...»	242
КОРОЛЬ В НЬЮ-ИОРКЕ	243
О МОЕМ ПОКОЛЕНИИ	245
ТРИ ПЕЙЗАЖА	251
НОВОЕ ВРЕМЯ	256
ДРУГУ	257
ДУША	258
ЕЩЕ ОДИН ЕРАЛАШ	259
«Не дай нам бог претендовать на лавры...»	263
ВЗГЛЯД — 1	264
ВЗГЛЯД — 2	265
РАССТАВАНИЕ С ШЕСТИДЕСЯТНИКАМИ	266
СВЯТЫЕ	269
«ЕВРАЗИЯ»	270
ФЛЕЙТЫ КУРГАННЫХ СВЯТЫНЬ	272
НАЗАД ПОЧТИ ПОЛВЕКА	273
«Как же беспечны мы были...»	274
СОБАКА И ТЫ	275
ТАЙНА ЛЮБВИ	276
«Не верь что кривда победит...»	277
РУССКАЯ ИДЕЯ	278
ЯНВАРСКИЙ ЗАКАТ	280
КУЗЬМИЧ	281

Кирилл Алексеевич Шишов
БЛАГОДАРНЫЕ СОНЕТЫ
И ДРУГИЕ ПЬЕСЫ

Верстка С. В. Феркель.

Сдано в набор 15.05.06 г. Подписано в печать 26.05.06 г.
Формат 70×100_{1/32}. Гарнитура Лазурского. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 12,51.
Тираж 300 экз.

Издательство «Цицеро»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано типографии «Фотохудожник».
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155а.